

СЕРГЕЙ БАРАННИКОВ

ГРАДОВЕЦКИЙ ЦЕЛИТЕЛЬ

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

1

Сергей Баранников

Градовецкий целитель.

Распределение

<https://litres.ru/74315857>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я - Костя Дорофеев, выпускник медицинского университета. Шесть лет учёбы остались позади, впереди маячили аккредитация, ординатура и совсем другая жизнь, но у судьбы оказались свои планы. Спасая попавших в аварию людей, я погиб и оказался в другом мире, в теле своего сверстника. У него есть дар целителя, а за плечами учёба в магической академии. Теперь его жизнь - моя жизнь. Посмотрим, чего сможет добиться молодой врач из нашего мира там, где магия исцеления открывает огромные возможности!

Сергей Баранников

Градовецкий целитель.

Распределение

Глава 1. Всё вверх дном

— Защитил! — закричал я в трубку, когда вышел из университета. Да, впереди первичная аккредитация и распределение. Ещё предстоит понервничать, но итоговая черта под шестью годами обучения уже подведена.

— Поздравляю! Я горжусь тобой, сын, — прозвучал в трубке голос отца, а эти слова были едва ли не самыми важными в моей жизни.

В любом деле отец был поддержкой, а я во всём брал с него пример. Разве что призвание в жизни выбрал другое, к которому лежало сердце, и я считаю, это правильно. Дети не должны быть копиями своих родителей. Они должны стать теми, кем им самим хочется быть.

Я убрал телефон в сумку и направился к автобусной остановке. Идти предстояло совсем недалеко, каких-то минут пять по набережной, но я совершенно не переживал по этому поводу. Казалось, после защиты диплома гора спала с плеч, и даже летнее июньское солнце не так нещадно пекло, как в обычный день.

Резкий визг тормозов заставил меня обернуться. К сча-

стью, моей жизни ничего не угрожало, а события разворачивались где-то в сотне метров. Машина потеряла управление и вылетела сначала на встречную полосу, а затем врезалась в ограждение набережной. Разумеется, конструкция оказалась начисто сметена.

На пару секунд я завис от увиденного, но полученные навыки помогли мне быстро взять себя в руки. Сам не помню как оказался рядом с местом происшествия. Хорошо, хоть движение на обеих полосах остановилось, а водители вылезали из машин, чтобы посмотреть на происходящее.

Бросившись к ограде, я схватился за край и посмотрел вниз, где в прохладной воде Волги исчезал легковой автомобиль. Водителю и пассажиру удалось выбраться из ловушки, но их положение оставалось крайне опасным.

— Помогите! Кто-нибудь! — закричала девушка, отчаянно барахтаясь.

Ничего, раз кричит, значит ещё не всё так плохо. Тонущий человек, который вот-вот уйдёт под воду, уже не будет кричать. Но медлить никак нельзя. Судя по всему, девушка совершенно не умела плавать, да и её спутник тоже был не особо силен в этом деле, и с трудом держался на поверхности воды. Звать на помощь ему не позволяли то ли гордость, то ли паническое состояние.

Разумеется, я не мог остаться в стороне. Выпускник меда и отличный пловец — я был просто обязан прийти на помощь, иначе зачем я посвятил свою жизнь спасению людей?

Оставив сумку на земле и скинув туфли, которые будут только мешать, я спустился немного ниже по дороге, чтобы оказаться ближе к воде, перемахнул через ограду, пробежался по бетонному покрытию и прыгнул в воду.

На мгновение дух перехватило от холода, но я быстро взял себя в руки и поплыл. Девушка уже не кричала, у неё попросту не хватало дыхания, чтобы звать на помощь, она лишь хватала ртом воздух и била руками по воде в надежде удержаться на плаву. В этой ситуации мужчина выглядел убедительнее, но он не спешил ей на помощь.

Девушка оказалась ближе ко мне, поэтому своей целью я выбрал именно её. Подплыв сзади, я обхватил её рукой под мышки, прижал спиной к своей груди и поплыл к берегу. И только коснувшись бетонной поверхности, принялся оказывать помощь.

К счастью, она не успела наглотаться воды и быстро пришла в себя. Оставив её на берегу, я бросился на помощь мужчине, который ослаб и уже не мог бороться с течением. Пока плыл к нему, в голове билась мысль: «Почему никто не спешит на помощь? Набережная была многолюдной частью города, где проходило много людей. Водители остановились и глазели за происходящим с безопасного расстояния. Неужели никто из них не умеет плавать, или наше общество настолько прогнило, что никто не торопится на помощь, даже если речь идёт о чьей-то жизни?»

Бросив быстрый взгляд на берег, я увидел с дюжину лю-

дей, молчаливо наблюдавших за спасательной операцией. Половина достала телефоны и снимала происходящее на видео. Надеюсь, они хотя бы догадались вызвать «скорую»?

Подплыв к мужчине со спины, я потянулся к нему рукой, но в этот момент он почувствовал моё присутствие и резко развернулся.

— Перевернись на спину! — приказал я ему, но он меня не слышал. Мёртвой хваткой его руки вцепились в меня, не давая пошевелиться. Я попытался высвободиться, но мои попытки оказались безуспешны. Находясь в паническом состоянии, он сам не понимал что тащит на дно нас обоих.

— Отпусти руку! — успел я выкрикнуть, прежде чем с головой погрузиться в воду.

Вынырнув, я попытался высвободиться, но тщетно. Утопающий вцепился в меня, словно клещ, и не давал двигаться. Воздуха в лёгких не хватало, я всеми силами старался не наглотаться воды и высвободиться. Какое-то время мы продолжали бороться, а затем мир перед моими глазами исчез.

Настойчивые шлепки по щекам заставили меня открыть глаза. Над головой склонились два человека в небесного цвета «хирургичках». Я даже рассмотрел у них эмблему с крыльшками в районе сердца.

— Парень, ты как? Слышишь меня? — откуда-то, словно издалека, донёсся взволнованный голос.

Открыл было рот, чтобы ответить, но в следующий миг закашлялся, а затем меня вырвало.

— Ничего-ничего, всё в порядке, — успокоил меня второй мужчина, стоявший рядом. — Пусть вода выходит из лёгких.

— Ты меня слышишь? — не сдавался первый.

— Да, — прошептал я одними губами.

— Вот и отлично! — с явным облегчением произнёс мужчина, который допрашивал меня. — Всё в порядке, Сава, парень просто переволновался и потерял сознание. Видишь, судя по одежде, из академии едет! Помню, и не такое после выпускных экзаменов бывало. Готов поспорить, Бурундуку целительское дело сдавал. Он в своё время мне тоже нервы здорово попортил.

— Кузя, мы его из тонущего автобуса вытащили, о каком волнении ты говоришь? — осадил его напарник.

— Ну, совсем немного наглотался воды — как без этого? Но ведь не утонул!

— Немного? Мы его с того света еле вытащили! — прошептал напарник, словно так я не должен его услышать. Вообще-то я находился рядом и отчётливо слышал каждое слово.

— Да помолчи ты! — шикнул на него тот, которого называли Кузьмой. — В отчёте укажешь всё как было, а сейчас не нужно парня пугать. И так лежит белый как мел.

Мужчина бросил на меня обеспокоенный взгляд и произнёс:

— Ты помнишь как тебя зовут?

— Костя... — пробормотал я, и продолжил более уверенно. — Константин Дорофеев.

— Вот видишь? Костя Дорофеев. Всё сходится. Или ты наслушался лекций академика Жжёнова, и веришь, что при реанимационных действиях целитель может захватить другую душу вместо умершего?

— А может, это правда? — предположил Сава.

— Не огорчай меня, — сердито заявил его напарник. — Меньше слушай всякой чуши, а больше отдыхай. И так работаем сутки напролёт.

Мужчина снова перевёл на меня взгляд и задал очередной вопрос:

— Ты знаешь, где находишься?

— Да, — ответил я, хоть и раньше никогда не видел это место. Какие-то аллеи, ведущие к старинному зданию, которое больше напоминает если не императорский дворец, то особняк какого-то денежного мешка. В стороне дорога и набережная, на которой лежат люди. Судя по тому, что некоторые тела были накрыты простынями, им повезло меньше, чем мне. Немного поодаль я заметил ещё две пары людей в голубых хирургичках, которые оказывали помощь пострадавшим.

— Говорю, ты понимаешь, где находишься? — повторил вопрос мужчина, потому как мой первый ответ его явно не удовлетворил.

— Да, знаю! — отмахнулся я и попытался встать, но это

оказалось не так-то и просто. Перед глазами всё поплыло, а на тело навалилась слабость. Пришлось подчиниться обстоятельствам и покорно лечь на мостовую.

— Ну-ну, ты не торопись! — успокоил меня тот, что задавал вопросы. — После реанимационных мероприятий никто никуда не бежит. Ты вообще понимаешь, что только что пережил клиническую смерть?

— Кузя, ты же сам сказал не пугать его! — накинулся на него коллега.

— Я же не думал, что он такой прыткий и попытается встать, — парировал мужчина и повернулся ко мне. — Адрес назвать можешь?

Вот же докопался. Не знаю я никакого адреса. Тем более, того места, где я оказался.

— Улица Сеченова двенадцать, — ответил я, назвав адрес своего универа.

Сава присвистнул от удивления, а его напарник вздохнул и нахмурился.

— Похоже, дело дрянь, и придётся вести его в больницу. Так! А вот это мне уже не нравится. Я понемногу начал приходить в себя и понимать, что я не просто оказался в другом месте, а вдобавок ко всему и в другом теле. Да, я Костя Дорофеев, мне двадцать три года, но на этом совпадения заканчиваются. Это не моё тело, не моя одежда и вообще не мой город. И что-то мне подсказывает, что и мир вокруг не такой. Может, это последствия кислородного голодания, и я

плохо воспринимаю реальность? Но уже в следующее мгновение я понял, что ошибся.

В памяти понемногу всплывали отрывки памяти того, другого Кости, в теле которого я оказался. И да, я действительно в другом мире и совершенно чужом теле. Этот Костя практически не был похож на меня, если не считать худощавой фигуры. У меня были тёмные волосы, а этот парень — блондин.

Глаза! Карие глаза, от которых так таяли девчонки, стали голубыми. Конечно, это не принципиально, но хотелось бы вернуть облик, максимально приближенный к родному.

— Не нравится мне его дыхание. Как бы вода в лёгкие не попала, — пробормотал тот, которого звали Савой и уложил меня обратно на мостовую. — Ну-ка, полежи смирно!

Парень уложил меня на спину, отчего я снова закашлялся, а затем расстегнул мокрую рубашку и приложил руку к солнечному сплетению. Будто так он сможет узнать есть ли у меня вода в лёгких!

— Чисто! — отозвался парень. — Но в больницу всё равно поедешь, пусть целители осмотрят тебя ещё разок, а сейчас посиди и успокойся. Нам нужно заняться пострадавшими, которые находятся в более тяжёлом состоянии.

Целители? Смешно звучит, но память подсказала мне, что здесь так называют врачей. Оба парня переключились на другого пострадавшего, оставив меня наедине с собственными мыслями, но я был этому только рад. Мне нужно было по-

нять что вообще происходит. Наверно, если бы не моё состояние, я бы сейчас орал от ужаса или метался в панике, и наверняка угодил в больницу для умалишённых. Сама мысль, что я оказался в чужом теле вызывала у меня жуткий страх.

А что случилось с моим собственным телом? Выходит, я утонул? Вот тебе и спасатель. Да и моему предшественнику, судя по всему, тоже не особо повезло. Последние обрывки памяти бывшего владельца тела говорят о том, что он был в автобусе, который сорвался с дороги и упал в воду. К счастью, рядом оказались неравнодушные люди, которые вызвали целителей и вытащили людей из воды. Вот только мой тёзка, как и многие пассажиры, не дождался помощи. Если бы моя душа не попала в это тело, сейчас Костя Дорофеев, живущий в этом мире, лежал бы под белой простынкой на мостовой, дожидаясь проводов в последний путь.

Как ни странно, мысль о смерти меня совершенно не пугала. Может, потому что врач должен быть к ней готов, или потому что во время практики нас водили в морг, и отношение к смерти у врачей особое... Не стоит списывать со счетов и шоковое состояние, в котором я сейчас нахожусь, поэтому чувства наверняка притуплены. Я напрягся, чтобы оценить своё самочувствие и понял, что ощущаю абсолютно все процессы, текущие в организме. Теперь до меня дошло почему парень в голубой хирургичке прикладывал руку к солнечно-му сплетению: он использовал внутреннее зрение целителя, чтобы проверить состояние моего организма.

Очередная мысль ворвалась в моё сознание, едва не заставив меня закричать. Если я могу делать также, выходит, я тоже целитель! Да, точно! Ошибки быть не может. Память прежнего владельца тела говорила о том, что я только что закончил стажировку и получил аккредитацию целителя, а буквально завтра меня ждёт распределение.

Пока я приходил в себя, целители закончили работу. Вместе с остальными пострадавшими меня доставили в больницу, но после беглого осмотра отпустили домой.

— Зачем только время тратил, если сам мог убедиться, что всё в порядке? — проворчал престарелый целитель, осматривая меня.

— Ваши коллеги настояли, — развёл я руками.

— Этим коллегам лишь бы перестраховаться, — проворчал мужчина. — Здоров! Иди отдыхай, дыши свежим воздухом и делай дыхательные упражнения, чтобы развивать лёгкие. Впрочем, ты сам всё знаешь, что мне тебе рассказывать?

Целитель потерял ко мне всякий интерес, переключившись на следующего пациента, а я поспешил поскорее убраться из больницы.

За время, пока мы ехали сюда, я успел немного освоиться. К счастью, шесть лет в университете помогли не только набраться знаний, но и получить навыки адаптации и поведения в нестандартных ситуациях. Без них в работе врача никуда. Точнее, целителя... Никак не привыкну к местным порядкам. И вообще, мне до сих пор кажется, что это гал-

люцинации из-за кислородного голодания. Может, я сейчас нахожусь в реанимации под аппаратом искусственной вентиляции лёгких, а всё происходящее — не более, чем плод моего воображения? Наверно, именно поэтому я воспринимал происходящее, как какой-то спектакль, а не как реальную жизнь. Хорошо, хоть поборол первоначальное желание подёргать целителя за бороду с криками: «А борода-то у вас бутафорская!», иначе наверняка бы задержался в больнице надолго.

Домой я попал ближе к вечеру, потому как волокита с больницей отняла массу времени.

— Где ты шатался? — немедленно набросился на меня отец. Нет, не мой отец, бывший моей поддержкой и опорой. Человек, которому я мог довериться и рассказать всё. В этом доме меня встречал отец прежнего Кости, с которым у него были натянутые отношения.

— В больнице, — бросил я, не желая вступать в полемику, чтобы ненароком не выдать себя.

— Что ты там забыл? Она тебе ещё успеет опостылеть, — скривился мужчина.

— Проверял своё здоровье.

— А сам-то не можешь? — рассмеялся отец, выведя меня из равновесия. — Зачем было шесть лет учиться, чтобы по целителям бегать?

— Меня никто не спрашивал, хочу я в больницу или нет, ясно? И если тебе интересно, я вообще попал в аварию. Ав-

тобус упал в реку, а я едва не утонул.

— Как ты позволяешь себе разговаривать с отцом? — выпалил мужчина, но по его виду я заметил, что он заметно опешил. Скорее, не из-за услышанного об аварии, а от поведения собственного сына, который ранее не смел пререкаться.

Я оставил его вопрос без ответа и направился в свою комнату, чтобы переодеться. Костюм, в котором я пришёл, был помят и испачкан, а местами и вообще разорван. Нужно избавиться от него, пока у родителей не возникли ненужные вопросы. Будь рядом мой родной отец, я бы наверняка смог поговорить с ним, а к такому отношению не привык и привыкать не собираюсь.

Отец хотел было развить разговор, но мать вовремя вмешалась и остановила его.

— Юра, ну, что ты накинулся на сына? Разве не видишь, он переживает из-за окончания университета. Мог бы и поддержать ребёнка в такой сложный момент.

— Да какой он тебе ребёнок? — взорвался отец. — Ему двадцать три! Я в его годы взводом командовал и выводил пацанов из окружения, а этот оболтус дорогу от дома до академии не найдёт, если автобус сломается.

Я понял почему отец парня так сердится. Да, в мои годы он был куда более самостоятельным и организованным, но ворчал из-за того, что вот уже пятый год был списан из вооружённых сил империи после ранения. Даже целители

не смогли отрастить заново потерянную ногу. Как я понял, местным умельцам не составило бы проблемы пришить её обратно, но отец потерял её во время выполнения боевого задания и вообще чудом остался жив, так что теперь довольствовался протезом. Вот почему он затаил обиду на целителей, что ещё больше раздражало его в моём выборе профессии. А на кого было учиться Костику, если у него дар целителя? Не в предсказатели же податься!

— Костя, у тебя всё в порядке? — спросила мать, постучав в дверь.

— Да, ма! Решил переодеться.

В порядке ли я? Сейчас я чувствовал себя как разведчик в логове неприятеля. И хоть эти люди были моей семьёй, я-то был чужим! Руки предательски тряслись от волнения, поэтому я глубоко задышал, чтобы успокоиться.

Стоп! А почему я не использую свои новые возможности? Полагаясь всецело на память прежнего владельца тела, я снова активировал внутреннее зрение, а затем аккумулировал часть энергии, преобразовал её в успокоительную волну и направил на нервную систему. По телу разлилось приятное тепло, сознание стало более ясным, а пульс немного замедлился. Да, до нормы ему было ещё далеко, но не всё сразу! Мне стоило изначально так поступить, ещё у набережной, но тогда я был так потрясён случившимся, что было не до выяснения моих новых возможностей.

А вообще, это какое-то чудо, а не дар — я ведь могу рабо-

тат как томограф и заменять собой массу лекарств. Правда, не всё можно заменить даром, инструменты всё же нужны, особенно для проведения операций, но всё равно в родном мире все бы обзавидовались, пробудись у меня такой дар.

Вспомнив о родном мире, я немного приуныл, потому как там осталась семья и всё, что мне было дорого. Но раскисать не время и не место. Я должен собраться с духом и попытаться выжить в новом мире. Сомневаюсь, что у меня будет шанс вернуться домой, а уж если и подвернётся такая возможность, я ей вряд ли воспользуюсь. Моё тело наверняка отправилось в морг, а попадать в чужое тело, хоть и в своём мире, я не хочу. Это большая лотерея, а здесь мне, кажется, здорово повезло. Зачем испытывать судьбу?

Лохмотья, в которые превратился мой костюм, я запрятал в чемодан, чтобы не вызывать ненужных вопросов. Я так понял, мать даже не услышала об аварии, поэтому не стоит её волновать лишний раз. Я быстро заскочил в душ, переоделся и направился к выходу.

— Кость, ты даже не поужинаешь? — слышался с кухни удивлённый голос матери.

— Мам, я не голоден, — крикнул я и осёкся, потому как мать вышла проводить меня.

— Костик, ты надел рубашку? Сегодня какой-то праздник?

— Нет, мам, просто решил, что хватит ходить как оборванцу. Я ведь без пяти минут целитель, нужно становиться

серьёзное.

— Растёшь, сын, — губы женщины растянулись в улыбке. — Раньше тебя было не заставить костюм надеть. Помнишь, ты ведь даже на экзамен не хотел в рубашке идти, а сейчас сам так оделся. Или у тебя девушка появилась?

— Мам, какая девушка? — театрально закатил я глаза. — Ты прекрасно знаешь, что у меня не было времени на отношения из-за стажировки.

— Ты надолго? — поинтересовалась женщина.

— Встречусь с Ромой. Я обещал ему сегодня вечером прогуляться, — соврал я, выудив из памяти имя первого пришедшего на ум знакомого прежнего Кости. — Кто знает, куда нас распределят завтра?

— Хорошо, иди, — улыбнулась мать. — Ещё раз поздравляю с успешной аккредитацией и окончанием стажировки. Я думала испечь торт и отпраздновать это событие в тёплом семейном кругу, но отец что-то не в духе сегодня.

Женщина заметно огорчилась и бросила обеспокоенный взгляд в сторону зала, где в кресле сидел отец и делал вид, что внимательно читает газету.

— Он в последнее время всегда не в духе, — отозвался я.

— Ты же знаешь через что ему пришлось пройти, — встала на его защиту мать. — И потом, он переживает из-за того, что не может быть таким, как раньше. Сам понимаешь, привыкать к новой жизни после серьёзного ранения очень тяжело. У вас в целительной практике точно были такие случаи.

Понимаю ли я? Очень хорошо понимаю, потому как мне самому предстоит привыкать к новой жизни. Хорошо, хоть у меня всё обошлось без последствий.

Мать поцеловала меня в щёку, заставив покраснеть и рассмеялась.

— Совсем уже большой стал, уже и матери стесняешься. К ужину хоть вернёшься?

— Постараюсь, — ответил я и выскользнул на улицу. Прежде чем отойти от двери, я услышал голос отца и прильнул к замочной скважине, откуда было хорошо слышно их разговор с матерью.

— Куда направился этот бездельник? — прогремел голос отца из зала.

— Юра, зачем ты так? Костя выучился в академии и прошёл аккредитацию. Ты прекрасно знаешь насколько это тяжело, ведь целителей муштруют, как в армии.

— Мне-то не рассказывай! — вспыхнул мужчина. — В армии он бы и недели не протянул.

— И вообще, мне кажется, что такие перемены у нашего Кости не случайны, — продолжала мать, пропустив возражение мимо ушей.

— Разумеется! Парень наконец решил повзрослеть и взялся за ум.

— Юра! Я с тобой серьёзно разговариваю. Ты заметил, что он больше внимания уделять своей речи и внешности? Из речи исчезли слова-паразиты, Костик начал носить ру-

башки вместо тех жутких футболок... Думаю, у нашего сына появилась девушка. Не удивлюсь, если он к ней побежал, а не к Ромке.

Отлично! Странности в моём поведении мать списала на волнение из-за аккредитации и отношения. Пусть у меня не было никакой девушки, этот вариант меня устраивал.

— Ещё чего не хватало! — вздохнул отец.

— Почему ты так реагируешь? — насупилась мать.

— Потому как ты и оглянуться не успеешь, как станешь бабушкой. И потом, какая девушка? У пацана завтра распределение. Наконец он оторвётся от мамкиной юбки и выйдет во взрослую жизнь! Может, его вообще забросят на границу или в какую глухомань. Думаешь, девушка поедет за ним? Нет, Светик, я такие истории слышал не раз. Даже если у него появилась девушка, надолго их отношений не хватит.

Мать с отцом принялись спорить, а я отошёл от двери. Нового и важного я всё равно больше не услышу, так что можно отправляться по своим делам. Куда именно? Сам не знаю. Но совершенно точно я понимал что мне нужно развеяться.

Найдя уютное местечко в парке, близ набережной, я устроился на скамье и попытался разобраться в происходящем. Да, в какой-то степени меня тянуло обратно к месту попадания в этот мир, будто это помогло бы мне найти ответы на волнующие вопросы. Совершенно точно это не галлюцинации и не сон, слишком уж реалистичные ощущения. Выходит, это новая реальность, к которой мне предстоит адап-

тироваться, и в которой предстоит жить.

Я видел, что люди несли цветы к месту аварии, кто-то даже принёс несколько мягких игрушек. От созерцания этой трагедии меня невольно передёрнуло, и я решил поискать место подальше. Скамья на самом конце парка, укрытая от посторонних глаз мохнатыми ветками елей, отлично подходила для этой цели.

— Костик! — позвал меня женский голос, и я обернулся. Надо же, и тут нашли!

Две девушки направлялись в мою сторону. Одна была темноволосой красоткой с голубыми глазами и тонкими губами, а вторая ничем не уступала ей по красоте, только была рыженькой, с пухлыми губками и выделялась более пышными формами. Память подсказала, что брюнетка — моя одноклассница Вероника, а её знойная подруга — Полина из параллельного класса. Сколько лет прошло с тех пор, как мы с Никой сидели за одной партой в гимназии! Хотя, что тут думать? Шесть! Четыре года обучения в академии и два года стажировки в больнице города Привольска. За это время девушки заметно изменились. Стали старше и женственнее.

— Как жизнь? Какими судьбами в наших краях? — поинтересовалась Ника, устроившись на спинке скамьи.

— Да я и не уезжал никуда. По крайней мере, пока. Завтра распределение, вот там и станет известно.

— Вот оно как! А я думала, ты в отпуск приехал. Со всем забыла, что целители шесть лет учатся. Эх, я-то размеч-

талась, что ты где-нибудь в Москве работаешь, хотела тебе глазки состроить и с тобой укатить в столицу, а оно вон как. Распределят куда-нибудь в Глызино, где коров больше, чем людей, и всё, конец моим мечтам.

Девчонки залились смехом, а я невольно нахмурился. Вот это откровение! Да, сильно изменилась Томцева за шесть лет. Хорошо, хоть сразу раскрылась, а то я бы её по старой памяти за нормальную девчонку посчитал.

— Ну, пока Костя! Я бы сказала, что буду по тебе скучать, но не хочу обманывать.

Девчонки продолжали смеяться, оставив меня в недоумении. Я не понял, мой предшественник вообще не пользовался успехом у девушек? На вид довольно симпатичный парень, уверенности только не хватало. Ничего, я исправлю ситуацию и заставлю относиться к себе с уважением. Вы ещё услышите о Константине Дорофееве! Вся империя услышит!

Вернувшись домой, заскочил в душ, переоделся и отправился спать, сославшись на усталость. Не хватало ещё напороться на расспросы от родителей. Но сон никак не шёл в руку. Укрывшись одеялом так, что снаружи остались только глаза, я смотрел в ночное небо чужого мира. Хотя, нет. Теперь это мой мир, и мне предстоит строить в нём своё будущее.

Глава 2. Распределение

Утром я не сразу понял где нахожусь. Открыв глаза, испытал давно забытое чувство из детства, когда мы могли остать-

ся у родственников или друзей с ночёвкой, а я смотрел на чужой потолок, на незнакомые обои и ковёр с совершенно незнакомым рисунком, и не мог понять как я здесь оказался. И лишь через несколько секунд воспоминания всплывали в памяти и подсказывали, что мы у бабушки, или дяди Ромы с тётей Таней. То же самое чувство я испытывал сейчас.

Стук в дверь заставил меня собраться с силами и отогнать прочь остатки сна.

— Костик, доброе утро! Завтрак готов. Иди мыть руки и садись за стол.

Ну, вот! Здоровый лоб, а до сих пор нежится в кровати, пока мать у плиты стоит. Надо бы исправлять эту тенденцию, но на сегодня у меня есть уважительная причина — мне непременно нужно было поспать, чтобы прийти в себя после пережитых потрясений. Всё-таки не каждый день умираешь и попадаешь в другой незнакомый мир.

Вспомнив о своём даре, я мгновенно сконцентрировался и потянулся к нему. Вот она, чистейшая целительная энергия, способная творить чудеса. В нашем мире таких целителей наверняка бы упекли в лаборатории и разорвали на части, чтобы разгадать секрет, или обрекли на судьбу доноров, выкачивая из них целительную силу и разливая по пробиркам. А тут целители спокойно живут и отлично себя чувствуют. В любом случае у меня есть сила, о которой мечтал бы каждый врач в нашем мире.

Внутренним зрением я принялся рассматривать своё те-

ло на энергетическом уровне. Здесь отлично видно всё, что происходит с организмом. Если где-то проблема, то энергетические узлы светятся не так ярко, каналы угасают, а цвет текущей по организму энергии меняется. Верно говорят, что наши болезни — это следствие неправильной работы органов.

Ух ты! Вот сердце, работающее чуть активнее, чем следует. Наверняка из-за переполняющих меня эмоций. Я настолько впечатлился, что с трудом мог сконцентрироваться и продолжать осмотр. Обратив внимание на запас энергии, я отметил, что её немного убавилось. А ведь я почти ничего полезного не сделал! Нет, дар — это не игрушка, а полезная вещь, которая требует уважительного отношения и сознательного использования. Я вернулся к обычному состоянию, соскочил с кровати и отправился умываться. Нельзя позволить завтраку остыть.

Через час я был полностью собран и направлялся к академии. Ехать в автобусе не особо хотелось, но я взял себя в руки и переборол новую фобию. Не может быть такого, чтобы за два дня два автобуса свалились в реку.

Я не помнил в точности сколько остановок нужно проехать до места аварии, потому как вчера меня забрал экипаж «скорой», а память реципиента ещё не особо активничала. Она проявилась неожиданно. После очередной остановки я невольно почувствовал холод и сильное ментальное давление, будто мог ощущать чужие эмоции. Страх, паника, боль,

отчаяние... На мгновение голова пошла кругом, и я крепче схватился за поручни, чтобы не упасть.

— С тобой всё в порядке? — поинтересовалась девушка, стоявшая у меня за спиной. Я узнал её — это была девчонка из параллельной группы, которая тоже ехала на распределение.

— Не выспался немного. Да и после вчерашней аварии плохо себя чувствую.

— А, ты ведь был в том автобусе! — выпалила она. — Какая трагедия! Из нашей группы один мальчик погиб...

Девушка осеклась, понимая, что эта тема не очень приятная, но решила нарушить повисшую тишину.

— Я вот тоже очень волнуюсь. Не знаю куда нас распределят, и от этого вдвойне беспокойно. Ой, а вот и наша остановка!

Автобус затормозил неподалёку от академии, а моя спутница упорхнула, пожелав мне удачи, но долго оставаться в одиночестве мне не дали — буквально через пару минут меня встретил одноклассник.

— Готов? — поинтересовался Мартынов, бросив на меня строгий взгляд, словно от моего ответа зависела вся дальнейшая жизнь.

— А к этому можно подготовиться? — спокойно ответил я, пожав плечами.

Моя реакция возмутила Толика, но он предпочёл не заострять на этом внимание, записав меня в число тех, кому

плевать на своё будущее.

Нет, серьёзно, как можно быть готовым к распределению? Разве что выпить настой валерианы и мысленно приготовиться к тому, что тебя могут закинуть в любую дыру? Целители, чья профессия считалась жизненно важной, учились за счёт государства: четыре года академии и ещё два года стажировки в местной больнице. С одной стороны, было бы логичнее провести распределение сразу после академии, заодно бы и бывшие студенты обвыклись на новых местах, но стажировка проходила с чёткой неразрывной привязкой к учебному заведению и каждая больница, граничащая с академией, заранее готовила места для будущих выпускников.

Как говорил наш декан: «Куда вас отпускать в вольное плавание? Вы же от нашего медицинского халата, как от маминой юбки оторваться не можете! И потом, лучше дома опозоритесь, чем вся страна узнает каких оболтусов готовят в нашей академии».

В словах Михаила Павловича была доля истины, но его точку зрения я не разделял. Хотя бы потому, что оказавшись в этом теле, я бы не испытывал проблем с семьёй и друзьями. Новая жизнь, новый вызов и новый Костя Дорофеев в моём лице.

Мне здорово повезло, что родные Кости списали моё странное поведение на волнение перед важным событием в жизни, иначе проблемы начались бы с первого дня.

В отличие от многих своих однокашников, молившихся

Вселенной, чтобы им выпал какой-нибудь крупный город или городок поблизости, я желал оказаться как можно дальше, чтобы родные не частили со своими визитами.

— Здарова, парни! — закричал Витя Краснощёков и повис на плече Толика. Тот брезгливо поморщился и попытался высвободиться, что ещё больше раззадорило парня. Переборов попытки Мартынова, Витя всё-таки уступил и отошёл в сторону, чтобы не получить тумака в отместку за своё поведение.

— Витя, ты как всегда! — принялся отчитывать его Толик. — Беспардонщина!

— Да ладно тебе! Скоро обо мне сможешь забыть навсегда. Вот разъедемся кто куда и будем видеться раз в десять лет.

— Почему в десять? — всполошился Мартынов.

— Ну, это я образно. Всё равно будем приезжать в Привольск повидаться с родными. Ну, и на юбилей выпуска тоже соберёмся. Представь, приедешь через пару лет в академию главным врачом какой-нибудь больницы, а все будут смотреть на тебя и завидовать.

— Главным врачом — это вряд ли. Там требование — пять лет работы, а я планирую в ординатуру поступать, так что шансы всего за несколько лет взлететь по карьерной лестнице слишком мизерные.

— Да, Толян, ты совершенно прав — быть главным врачом тебе не светит. Кто ж такого зануду вытерпит? — Крас-

нощёков потерял интерес к объекту своих насмешек и повернулся ко мне. — Костян, а ты что надумал? Готов в Москву ехать?

— Вообще-то в Москву не распределяют, — встрял с замечанием Мартынов. — Максимум на что можно рассчитывать — подмосковные города по типу Серпухова или Одинцово, да и туда вероятность перейти минимальная. Скорее, отправят где-то по нашей губернии, или в одну из соседних.

— Пф-ф! — шумно выдохнул Витя, явно не обрадовавшись этой новости. — Какой тогда вообще смысл идти на церемонию распределения, если все варианты заведомо проигрышные? Если в Москву никак не попасть, то это лотерея, в которой главного приза нет в принципе, и я не вижу смысла в участии.

— Ты не хочешь узнать свою судьбу? — удивился Мартынов. — Ты ведь будешь присутствовать на одном из важнейших событий в своей жизни. Пожалуй, самом важном после получения диплома и прохождения аккредитации целителя.

— Тоже мне событие! Анатолий Мартынов отправляется в Тьмутаракань. Давайте ему поаплодируем! — изобразил Витя ведущего и похлопал невидимому залу.

— Дело твоё, — отрезал Толик. — А я планирую посетить церемонию и принять свою судьбу лицом к лицу, как это делают настоящие мужчины.

Краснощёков хмыкнул, но всё-таки поплёлся в сторону зала и не дожидаясь нас устроился на одном из последних

кресел.

— Костя, пойдём! — важным тоном заявил Мартынов и направился поближе к сцене.

Несмотря на желание Толика быть поближе к сцене, первые ряды оказались заняты, поэтому нам пришлось устроиться на четвёртом ряду, где ещё оставались свободные места.

Выпускников и преподавателей собралось достаточно много, но явно недостаточно, чтобы занять все места в актовом зале.

— Пусть этот Краснощёков на галёрке кукует, — довольный собой пробормотал Толик, занимая пустующее место. — А мне не терпится узнать кто же удостоится Малой медали Асклепия за успехи в учёбе.

Память подсказала, что это был аналог медалей, которые вручают целителям за безупречную работу. Только Малая медаль вручалась не за выслугу лет, а за успешное окончание учёбы и стажировки.

— Мне кажется, уже давно должно быть известно, — предположил я, понимая, что мои шансы на эту награду более чем скромные. Нет, мой предшественник хорошенько потрудился, но этого явно не тянуло на медаль. А вот Толик потому и проявлял любопытство, что спал и видел как ему вручают награду на глазах у всего курса — типичный забитый ботан, который что-то пытается доказать окружающим.

— Ну-ка, расступитесь, щеглы! — приказным тоном за-

явил кто-то из студентов.

Растолкав скопившихся в проходе парней и девушек, к первым рядам торопился белобрысый парень в дорогом костюме. Следом за ним, как частенько водится, торопилась троица менее богатых и успешных парней из числа свиты. Те, кто хотел примазаться к богатству и успеху и надеялся урвать немного внимания и престижа. Узнаю этот тип людей — неуверенность в собственных силах или ощущение неполноценности толкают некоторых личностей пресмыкаться перед более сильными. Ничего кроме отвращения такие люди не вызывают. А ведь это будущие целители, которые точно также будут пресмыкаться где-нибудь в больнице или на станции «скорой».

Что меня вдвойне удивило, так это девушка, которая гордо шагала рядом с «вожаком». Она действительно считает, что ей не найдут замену? Белобрысый — не тот тип, который будет дорожить отношениями. Но мне-то какая разница? Я не стану бежать за ней и кричать: «Выбери меня! Я лучше!» Нет, отец учил, что иногда людям нужно дать возможность учиться на собственных ошибках, вот пусть и учатся, не хочу мешать учебному процессу.

Белобрысый добрался до первого ряда, осмотрел сидевших там парней, а затем резко схватил одного из них за шиворот и стащил с места. Тот попытался сопротивляться, но его дружки быстренько вытолкали бедолагу прочь. Что удивительно, остальные предпочли не вмешиваться и сами ре-

шили освободить места для всей компании.

Что меня удивило — тех ребят было большинство, они могли организовать и отстоять своё право, но решили подчиниться. Вот у нас в универе такой номер не прошёл бы. Мы в группе всегда были друг за друга. Я даже немного скучаю по товарищам, которых наверняка больше не увижу.

— Малиновский со своими дружками совсем разошёлся, — произнёс Мартынов, склонившись над моим ухом. — Чувствует, что учёба позади и пользуется своим положением.

— Каким таким положением? — удивился я.

— Как это? Его отец — владелец частной клиники в Привольске. Там денег куры не клюют. Одно слово — аристократ!

Понятно, и тут та же мулька с денежными мешками и важными особами. Эх, а ведь хотелось попасть в мир, где людей ценят исключительно за их умения и положительные качества. Не собираясь мириться с положением дел, я поднялся с места, но так и замер, потому как в это время в зале появился декан. Мои действия расценили как приветствие, и уже не было смысла дёргаться, потому как церемония официально началась.

— Дамы и господа, приветствую вас на церемонии, призванной подвести итоговую черту под шестью годами усердной работы, которую вы проделали в стенах академии и за её пределами, — начал декан. — Вы пришли сюда ещё зелёны-

ми и неопытными, многие из вас лишь отдалённо понимали как обращаться со своим даром. Но наши преподаватели смогли огранить эти бриллианты, и я уверен, что вы будете сверкать ярче Солнца. Нужно только решить куда именно вас инкрустировать.

Мне понравилось это сравнение с ювелирным делом, но я не особо слушал о чём говорит декан, потому как ждал самой главной информации. Уверен, десятки ребят в зале ожидали того же.

— Прежде чем я перейду к распределению, с позволения медицинской комиссии хочу отметить особо отличившихся студентов нашей академии. Честью получить Малую медаль Асклепия за свои заслуги в обучении и стажировке удостоены три выпускника нашего потока. Приглашаю на эту сцену Елизавету Стрельникову, Эдуарда Малиновского и Софию Мамаеву!

— А этому за что? — нахмурился Мартынов, кивнув в сторону вальяжно шагавшего к сцене «белобрысого».

— А ты оглянись вокруг! — прошептал у нас за спинами Краснощёков, и мы с Мартыновым подпрыгнули от неожиданности, потому как всего минуту назад он ещё был на заднем ряду. — Как думаешь, за какие шиши в академии ремонт сделали, а декан рассекает на новенькой машине? Малый Асклепий — лишь скромная часть того, чем академия могла отблагодарить Малиновских.

— Но это же обесценивает медаль! — надулся Толик.

— А кому какое дело? Для кого-то медаль — оценка его заслуг и трудов, а для кого-то лишь инструмент, чтобы выделить своих любимчиков. Вон, Лизка тоже не особо блещет знаниями и практическими навыками исцеления, но медаль получила за красивые глазки.

— Зато Мамаева сама добилась! — заметил я, припоминая одну из самых способных девчонок на потоке. Удачное воспоминание помогло мне поддержать разговор.

— Слушай, ну, как-то же надо сохранить престижность медали. Если бы не дали Мамаевой, которая её действительно заслужила, тогда бы и церемония награждения, и сама медаль оказались бы полным фарсом. Так бывает, что иногда даже из низов в люди выбиваются.

Последняя фраза Виктора мне совсем не понравилась. Выходит, в этом мире также развиты кумовство и культ денег? А как хотелось бы попасть в идеальный мир, да, видимо, не судьба. И вообще, бывают ли такие?

Михаил Степанович не стал утомлять нас длинными речами и аккуратно подвёл свою речь к самому распределению.

Я внимательно следил за тем, как декан нашего факультета в торжественной обстановке объявлял назначения для студентов. Память реципиента немного пришла в порядок, синхронизировалась с моими собственными знаниями и воспоминаниями, а потому я приблизительно понимал расположение того или иного города, но по некоторым посёлочкам у меня оставались вопросы.

— Черкесова Лидия и Гарамуш Рустам — Лединская участковая больница! — назвал место работы для очередной пары студентов Михаил Павлович и принялся аплодировать. По лицам ребят было совершенно незаметно, что они рады. Наоборот, Лида закрыла лицо руками, чтобы никто не увидел её слёз.

Да, многие девчонки мечтали работать в больших городах, но куда деваться жителям небольших городков и посёлков? Бросать свои дома и перебираться в большие города? А кто будет добывать ресурсы, работать на полях и выпасать стада? Каждый день не наездишься. И потом, это ведь всего на четыре года, а потом, при желании можно будет перевестись в другое место.

— Мохов Руслан и Стрельникова Елизавета — Усть-Серебрянская городская больница!

Что-то медаль не особо помогла Лизе в распределении. Видимо, успехи в учёбе не особо влияли на место назначения. Хотя я был готов поспорить, что талантливых и способных целителей академия наверняка захочет оставить под боком.

— Мартынов Анатолий, Дорофеев Константин — Градовецкая больница номер один...

Я видел как расплылся в улыбке Толик, а буквально через мгновение услышал и свою фамилию. Судя по реакции Мартынова и количеству студентов, которых отправили в Градовец, мы попали в крупный город. К тому же, у всех предыду-

щих городов было всего по одной больнице, а тут у заведения есть номер, значит, больниц там несколько, что лишний раз подтверждает его размеры.

— Костя! Мы поедем в Градовец и будем работать вместе. Это невероятная удача! — закричал он и попытался заключить меня в объятия, но вовремя остановился и взял себя в руки.

— Что именно? Распределение в Градовец, или то, что мы будем работать вместе?

— Разумеется, Градовец! — без малейших колебаний ответил Толик, словно я спросил какую-то глупость. Вот так и понимаешь истинное отношение людей к себе.

Мои догадки насчёт размеров населённого пункта подтвердились буквально в следующую секунду, потому как следующая пара выпускников отправилась во вторую городскую больницу этого же города. Но память уже услужливо подкинула мне информацию касательно географического положения города, и я был не совсем рад. Это был уездный город, бывший центром Градовецкой губернии. Уж лучше бы закинули в Ледино, или Усть-Серебрянск. В моей ситуации чем дальше от родного Привольска, тем лучше, а сейчас ехать на поезде из одного города в другой было чуть больше шести часов и то лишь потому, что приходилось делать крюк вокруг озера.

Удивительно, что Толя обрадовался такому назначению, ведь до Москвы было больше пятисот километров. Но очень

может быть, что на фоне остальных назначений Градовец — ещё неплохой результат.

Витю Краснощёкова отправили в глухую деревеньку Ельник соседней губернии. Он спокойно принял будущее, понимая, что на ближайшие несколько лет о разгульной жизни можно забыть. Честно говоря, немного жаль. Возможно, прежний Костя был рад компании Мартынова, но мне этот напыщенный и самовлюблённый тип не особо нравился. Да, какой-никакой друг, который поддержит, да и он производит впечатление воспитанного человека, но эта показная интеллигентность казалась вынужденной. Но если бы дали выбирать, я бы поехал с Краснощёковым.

— Эдуард Малиновский и Никита Рясов — Московская городская больница номер семь! — объявил Михаил Степанович, а зал замер, не в силах поверить в информацию, что произвела эффект взорвавшейся бомбы.

— Нормально! Меня, значит, комаров кормить в тайгу, а Эдьку с его закадычным другом в столицу? — послышался возмущённый голос Вити Краснощёкова. — А говорили, что в Москву не распределяют!

— А ты, холоп, думал, что я буду гнить в каком-нибудь захолустье, или оставаться в Привольске? — произнёс белобрысый, обернувшись назад. При этом у него на лице была такая гадкая ухмылочка, что так и хотелось стереть её с лица хорошеньким поставленным ударом. Жаль, не достану.

— Эд, как это понимать? Ты же говорил, что мы вместе в

Москву поедем! — выпалила девушка, отойдя в сторону от Малиновского.

— Прости, малышка, но Рясов-старший — важный бизнес-партнёр отца, мы не могли поступить иначе, а ты... пустышка! Зачем ты мне в Москве, если там можно найти кого-то более влиятельного и богатого?

Девушка влепила белобрысому смачную пощёчину и выскочила из зала, даже не узнав, что её ждёт переезд в Малую Выжгу.

— Господа, это целевой заказ на двух конкретных специалистов, поэтому распределение было таковым, — принялся оправдываться декан.

— Целевых объявляют ещё на первом курсе, а не за пару дней до выпуска, — справедливо заметил кто-то из толпы.

— Значит, такой договор был с самого начала обучения. Если хотите подробностей, можете обратиться в ректорат, там вам объяснят подробнее.

Разумеется, никто в ректорате не станет этим заниматься, а просто отмахнутся от назойливых студентов. Все это понимали, поэтому предпочли дослушать распределение до конца. А было действительно любопытно.

Что меня удивило, так это практически полное отсутствие специалистов, которые будут работать в нашем городе. Из всего потока в Привольске осталось всего четыре человека. Неужели город не нуждается в молодых целителях? Да, пусть у нас не так много жителей, но всё равно город является глав-

ным в губернии. Больше половины специалистов отправятся работать в соседние губернии, и нам с Толиком ещё повезло.

Из академии мы выходили уже совсем другими. Кто-то улыбался от счастья, другие не могли сдержать слёз. С этого момента наша жизнь круто изменилась.

— До завтра, Костя! — махнул мне рукой Мартынов и помчался на автобус, который ехал в противоположную от моего дома сторону. Мне же пришлось простоять минут десять, прежде чем пришёл нужный мне транспорт.

По дороге домой я дюжину раз прокручивал в голове сцену как сообщу родственникам о результатах распределения. На ближайшие четыре года я точно покину родной дом, а там уже видно будет. За такой период кто угодно может измениться в новых условиях, так что перемены в моём характере и поведении будут восприниматься как должное.

Взбежав по ступенькам на цокольный этаж, я замер, потому как на лестничной площадке меня ждала неожиданная сцена. Возле открытой настежь двери в нашу квартиру стояла женщина с парнем, уступавшим мне в возрасте всего на пару лет, а в двери стояла мать, и не знала как реагировать на неожиданное появление этих людей в своей жизни.

Глава 3. Градовец

— Пустите в дом, или нам на пороге так и стоять? — произнесла женщина, в которой я узнал тётку Константина. А рядом, соответственно, стоял мой двоюродный братец.

— Проходите, что уж там! Не выгонять же, — слышал-

ся недовольный голос отца, который следил за происходящим из своего коронного места в кресле. Он показательно отвернулся и скрылся за газетой, потеряв интерес к происходящему в соседней комнате.

Гости скрылись в квартире, а мать в последний момент заметила меня, прежде чем захлопнуть дверь прямо у меня перед носом.

— Костенька! Как всё прошло?

— Отлично, — улыбнулся я, довольный результатом. Да, могли быть варианты и получше, но мне-то какая разница? Меня устроил бы любой вариант, лишь бы подальше от дома.

— Ну, куда забросили? В Ельник небось? — насторожилась тётка, а её глаза азартно засияли.

Насколько помню, она была младше мамы на два года, но роль младшей дочери всегда её раздражала. Ей всегда хотелось выделиться и быть во всём лучше старшей сестры. Если маме покупали платье, тётке нужно было два. Но это касалось только вещей. Если мать получала грамоту за хорошую учёбу, то непременно становилась объектом насмешек, потому как сама по себе тётка Августа была ленивой и отлынивала от любой работы.

Когда мать вышла замуж, тётка активно принялась искать жениха, который мог бы переплюнуть моего будущего отца. У неё были и банкиры, и торговцы, и какие-то сомнительные иностранцы, обещавшие увести её то в Париж, то в Рим, но счастья она ни с кем не испытала. Как правило, через время

женихи теряли к ней интерес, а один из хахалей так вообще обчистил квартиру перед уходом и оставил тётке голые стены. Но виноваты были все вокруг, только не она сама. От одного из таких романов у тётки и появился сын Рома.

Искать богатеньких женихов она перестала, сев на шею родителей, но попытки тягаться с матерью не оставила и никогда не упускала такой возможности. Пару лет назад она пустила какую-то сплетню о нашей семье, после чего отец вышвырнул их прочь из дома и запретил показываться на глаза. Теперь, спустя несколько лет, это семейство появилось снова. Разумеется, ничего хорошего от них я не ждал.

— Что, я угадала? — рассмеялась тётка. — Ну, не переживай, Костик, в Ельнике тоже будет чем заняться. Лекарственные травы пособираешь, от простуды людей полечишь. А там, гляди, кого-нибудь деревом привалит — всё практика. А вот мой Ромочка собрался поступать в Москву. Будет успешным торговцем.

— Да, тётъ Гуся, в Ельнике хорошо, — согласился я. — Условия там суровые, а потому и люди чище. Всякие мерзавцы там попросту не приживаются. Даже немного жаль, что меня в Градовец отправили.

Мои слова вызвали целую бурю эмоций у всех, кто нас слышал. Мать ахнула от удивления, Рома завистливо прищелкнул, а тётка Августина скривилась то ли от недовольства, то ли от того, что я назвал её ненавистной формой имени. Она даже не сразу собралась, чтобы отвесить оплеуху

своему сыну.

— Сколько раз я говорила не свистеть в помещении? Денег не будет! Хотя, откуда тут взяться деньгам? Отец калека, сынок в двадцать три года штаны на учёбе протирает, а мать одна семью тянет.

— Августа, что тебе нужно? — строго произнесла мать, бросив испуганный взгляд на отца, будто слова этой мегеры могли задеть его самолюбие.

— Если бы ты хоть немного интересовалась моей жизнью, то знала бы, что я сейчас в тяжёлом положении. Наши родители выставили меня с сыном из дома без копейки денег за душой!

— Давно пора было, — не сдержался я. — Поражаюсь как у дедули с бабулей хватило терпения не сделать этого раньше. У меня бы терпение лопнуло ещё после того, как ты укра-ла у деда золотые наручные часы и продала их в антиквар-ную лавку практически за бесценок.

— Да как ты смеешь, сопляк? — заревела женщина. — Кем ты себя возомнил?

— Как минимум, человеком, в доме которого ты позволя-ешь себе оскорбительно отзываться о членах семьи. Если не перестанешь, то можешь снова убираться, пока не научишь-ся себя вести достойно. Хотя, а научишься ли?

Мать у меня за спиной ойкнула, а отец довольно хмыкнул.

— Юрий, ты слышал как разговаривает твой сын?

— Разумеется! — на удивление спокойным тоном отве-

тил отец. — Наконец-то он ответил, как настоящий мужчина, который обязан защищать свою семью. Если ты хочешь услышать мою позицию, то она неизменна. Тебе и твоему отпрыску нечего делать в моём доме.

Это оказалось уже выше сил тётки, разразившись ругательствами, от которых и у бывалых людей уши свернулись бы в трубочку, она хлопнула дверью и поспешила убраться.

— Юра, давай хотя бы на детях не будем отрываться из-за наших разногласий, — взмолилась мать.

— Думаешь, у младшего Копылова иная позиция? Нет, я слишком хорошо знаю твоё семейство. Они воспитали его таким же бестактным и невежественным, иначе он хотя бы попытался остановить свою мать.

— Они — наша семья, и мы должны принимать их такими, какие они есть!

— Да уж лучше вообще без семьи, чем с такой! — стоял на своём отец.

Мать ничего не ответила и ушла на кухню. Я видел, что на её глаза наворачивались слёзы. Увы, новость о моём распределении в Градовец ускользнула от общего внимания из-за очередной семейной ссоры, в очередной раз спровоцированной нашими родственниками.

— Константин! — суровым голосом позвал меня отец.

Поначалу мне хотелось проигнорировать его, но я решил не портить отношения хотя бы перед отъездом. Если не ради отца, то хотя бы ради матери, для которой наши ссоры как

ножом по сердцу.

— Что-то случилось?

— Случилось, — произнёс отец, отложив газету в сторону, что само по себе уже значило многое. — Я слышал как ты вёл себя в присутствии этих родственничков, и должен сказать, что наконец-то тобой горжусь.

— Спасибо. Это всё?

— Нет. Поздравляю тебя с успешным распределением. Твой дед и отец были офицерами и посвятили свои жизни защите людей, но я не считаю твой путь бесполезным. Мы защищали людей, их будущее, а ты будешь спасать их жизни. У тебя будут деньги и уважение, ведь я верю, что ты будешь выкладываться по полной, ведь ты — мой сын. Но пообещай прежде всего самому себе, что выстоишь перед искушениями и будешь помнить о своём долге. Пусть эта пыль в глаза не затмит твой рассудок.

— Спасибо за совет, я всегда буду его помнить.

Сам не знаю почему, но я протянул руку отцу и крепко её пожал, а затем не выдержал и обнял его. Может, в моём сознании остались целы нейронные связи, отвечающие за эмоции прежнего Константина? Мне бы хотелось остаться самим собой, а не чем-то средним между собой из другого мира и Константином Дорофеевым из этого. И лучше разобраться со своими мыслями и чувствами до того, как я приеду на новое место.

Вообще — странная штука вышла с моим попаданием.

Почему я оказался в теле своего двойного тѣзки? С отчетством, конечно, вышла несостыковка, но и без того совпадений непозволительно много. Что если это — параллельный мир, а мой переход получился из-за того, что мы с моим двойником умерли одновременно каждый в своём мире? А что, город немного похож на Кострому: река, планировка кварталов, географическое расположение... Но почему я совершенно не похож на себя из родного мира? Да и родители выглядят совершенно иначе. Может, мой дед или прадед женился на другой девушке, или бабушка вышла за другого мужчину, и получилась совсем другая реальность? В пользу этой версии говорило то, что никаких Копыловых у нас в родственниках не водилось. Но как объяснить то, что мир, пусть на первый взгляд и похож на наш, но имеет существенные отличия? Совершенно запутавшись в рассуждениях, я решил не ломать голову, а заняться более полезным делом — пора собирать вещи.

Эта задача оказалась не из сложных. Денег у Дорофеевых было не особо много, и новыми вещами Константина не особо баловали. Я успел погоревать о судьбе своего испорченного костюма, потому как заменить его было попросту нечем. Хорошо, хоть сейчас лето, и можно обойтись брюками и парой рубашек, которые прежний владелец тела надевал в академию. Вчерашние туфли пришли в негодность, поэтому с обувью всё также было тяжело.

Решено! С первой зарплаты загляну в магазин и приде-

нужь. Если я правильно понимаю, по прибытии на рабочее место мне должны выплатить подъёмные. Пусть не самые большие деньги, и на них особо не пошикуешь, но хотя бы обновить гардероб и прожить до первой зарплаты точно хватит.

В небольшой чемоданчик поместилась одежда, а в рюкзак я набросал всё, что могло мне пригодиться в будущем — возвращаться сюда я не планировал. Так, в рюкзак перекочевали потрёпанные учебники по анатомии и биохимии, исписанный от корки до корки блокнот с конспектами, флаконы с эфирными маслами, благовониями, настойками и прочей ерундой. В этом мире целители во многом полагались на дар, поэтому придумали массу способов ускорять регенерацию своей чудодейственной энергии, или усиливать её свойства. А ещё — использовать природные добавки для того, чтобы повышать концентрацию. Вообще, умение концентрироваться на процедуре — одно из важнейших для любого целителя. Только ослабил концентрацию, отвлёкся на заливающий глаза пот, или комментарии пострадавшего — процедура может прерваться, а пациент не получит столь нужного ему исцеления. Если операция несложная, всё может обойтись, и можно просто продолжить работу. Но в критических ситуациях, когда счёт идёт на секунды, или процедура требует полного завершения, терять концентрацию никак нельзя.

Конечно, не обошлось без аптечки, которую, как любой

уважающий себя целитель, прежний Константин всегда таскал с собой в рюкзаке. Иногда из-за этой привычки он становился объектом насмешек, но как говорил его отец: «с тебя будут смеяться всегда, кроме того момента, когда эта аптечка спасёт кому-то жизнь». Я разделял мнение этого человека, который в жизни повидал всяко больше зелёных юнцов. Да, я не собираюсь на секретную военную операцию, но аптечка всегда должна быть под рукой.

Туда вошли пара жгутов, бинт, несколько настоек, по свойствам напоминающие нашатырный спирт и перекись водорода, а также крошечный скальпель, катушка ниток с медицинской иглой в запаянном пакете и целый арсенал отваров для различных нужд. Каждый флакон был заботливо подписан аккуратным почерком. Фу! Слишком аккуратным. Ну, ничего, когда придётся много писать, он быстро изменится до типичного почерка целителя.

Обилие медицинских инструментов поначалу меня удивило. А как же целительский дар? Но уже в следующее мгновение я понял, что без инструментов не обойтись. Да, я могу остановить кровотечение с помощью дара, но за это время он может истечь кровью. Куда надёжнее наложить жгут и спокойно восстановить повреждённые ткани. А некоторые настойки просто незаменимы. Например, если помощь понадобится мне самому? Тот же нашатырь поможет остаться в сознании, наладить концентрацию и оказать себе помощь.

Прикинув в руке вес аптечки, я ненадолго поколебался,

но затем всё же запихнул её в рюкзак целиком. Никогда не знаешь что пригодится! Пусть это лучше никогда не понадобится, чем в нужное время не окажется под рукой.

На этом мои сборы оказались завершены. Выезжать в Градовец нам предстояло рано утром со станции «Привольск-Новая». Впереди целых шесть часов в поезде, но я особо не расстраивался по этому поводу — будет свободное время, чтобы хорошенько всё обдумать и систематизировать знания. Поток информации, доставшийся мне в наследство от прежнего владельца тела, пока воспринимался инстинктивно, а моему сознанию всё ещё трудно было с ним работать. Сейчас я был тем самым школьником, который весь вечер учил параграф дома, но никак не может объяснить что там было написано. Разумеется, лечить людей с такой кашей в голове нельзя.

Мартынов явился на вокзал с огромным чемоданом на колёсиках, поверх которого взгромоздилась массивная дорожная сумка. Объём его багажа выглядел раза в три больше моего. При посадке мне пришлось пропустить его вперёд и толкать чемодан сзади, потому как поднять его самостоятельно Толику оказалось не под силу.

— Ты что там набрал? Кирпичи для строительства собственного кабинета? — пропыхтел я, с трудом переводя дух.

— Там только самые необходимые вещи, — важно заявил Мартынов и вырвал чемодан у меня из рук.

В попутчики нам с Толиком попали двое рабочих, едущих

через Градовец куда-то на север. Они строили научную станцию, которая должна была работать круглый год и следить за миграцией животных, изменениями климата, а заодно вести разведку полезных ископаемых.

Я забрался на верхнюю полку, отвернулся к стене и задремал, а на соседней верхней полке вздыхал Толик, который не успел позавтракать перед выездом и бросал голодные взгляды на столик рабочих. Мне же муки Мартынова были нипочём, потому как я совершенно не мог есть в поезде. Эта привычка перекочевала со мной из прошлой жизни. Хорошо! Это ещё одно подтверждение, что я всё-таки остался собой. Под мерный стук колёс я задремал и проснулся от громкого стука. Оказалось, что один из рабочих задремал, сидя за столиком, а когда поезд трухнуло, упал и ударился головой. Бровь оказалась рассечена, а лицо заливало кровью.

— Рябуха, эк тебя угораздило! — раздосадовано произнёс его товарищ и подскочил с места. — Сиди тут, я сейчас сбегая за проводником. Может, найдём тебе целителя.

— Зачем искать? Мы и есть целители! — оживился я, спрыгнув с полки.

— Парень, можешь взглянуть? — кивнул на товарища рабочий. — Что-то серьёзное?

— Обычное рассечение, — прокомментировал проблему Мартынов, свесившись со своей полки. Толик не особо спешил помогать, поэтому разбираться с этой проблемой мне пришлось самому. Для начала я постарался выровнять дыха-

ние и сконцентрироваться, затем протянул руку к бедолаге, закрыл глаза и призвал внутреннее зрение целителя. Пусть мои глаза и были закрыты, я видел всё, что происходило с организмом пациента. А вот и рассечение! На самом деле, ничего опасного для жизни.

— Нужно лечь на кушетку, — произнёс я, открыв глаза и кивнув на нижнюю полку.

— Без проблем, — прокряхтел пострадавший, и лёг на спину.

В это время я заглянул в рюкзак и выудил оттуда аптечку. Немного повозился с пробкой на флаконе с «антисептиком», промочил салфетку и обработал рану.

— Печёт! — поморщился мужчина.

— Нужно немного потерпеть, сейчас перестанет, — успокоил я его.

А теперь пришло время для дара. Прижимая рассечённую кожу с помощью смоченного лекарством тампона, я активировал внутреннее зрение и принялся накачивать повреждённое место энергией. Когда её оказалось достаточно, начал склеивать кровеносные сосуды и повреждённую ткань. Хотя, правильнее было бы назвать этот процесс пайкой или сваркой, потому как сейчас я работал как биологический сварочный аппарат, соединяя частички кожи. Остаток энергии направил на регенерацию раны, чтобы ускорить заживление.

Завершив работу, облегчённо выдохнул. Осталось стереть с лица струйку крови, которая ещё успела промочить тампон

и вытечь, пока я возился с раной и на этом можно заканчивать.

Процедура стала для меня настоящим испытанием, потому как это была первая, пусть и ерундовая операция, которую я провёл собственноручно в новом теле с использованием дара. Думаю, если бы что-то пошло не так, Мартынов бы вмешался, но я не был в этом уверен. Немного мешала тряска и стук колёс, но я быстро приспособился. В любом случае можно праздновать успех.

— Ну, даёшь! — восхищённо произнёс товарищ бедолага, ошарашенно глядя на затянувшуюся рану. — Тому же фельдшеру пришлось бы зашивать, а Рябухе неделю ходить со швами. А тут как будто и не было ничего!

— Прямо-таки не было, — отмахнулся. — Отёчность ещё остаётся, но исчезнет к концу дня. А покраснение уйдёт немного позже. Конечно, если повозиться, можно и лучше сработать, но в условиях движущегося поезда это не так-то и просто.

— И так сойдёт, — отмахнулся рабочий, разглядывая свою бровь в отражении на окне.

— Слушай, с нас причитается, — заявил товарищ бедолага и выудил из сумки свёртки, в которых лежали аккуратно нарезанные сало, сыр и вяленое мясо, а в другой свёртке — ржаной и чёрный хлеб. — Сейчас за чаем к проводнице сбегаю.

Я хотел отказаться от угощения, но мои возражения никто

не хотел слушать.

— Не надо отказываться, когда сами предлагают, — заявил Толик, у которого слюни потекли от увиденного. Он прыгнул с полки и уже устроился за столом, но не притронулся к еде, пока не протёр руки спиртовой салфеткой.

— Хорошо такую силу иметь и правильно ей пользоваться, — заявил мужчина, впервые улыбнувшись за время нашей поездки. — Меня Иваном зовут.

— Да разве это умение? — хмыкнул Толик и забросил в рот кусок мяса. — Четыре минуты и сорок семь секунд. Я даже засекал. Слишком долго провозился для такой плёвой царапины. Но, чего не отнять, хотя бы сделал всё качественно.

— Сам-то почему не показал как надо? — осадил я Толика.

— Да я... — начал он и запнулся, а я лишь покачал головой, повернулся к рабочему и сменил тему, оставляя недовольство Мартынова без внимания.

— А почему товарищ назвал вас Рябухой?

— Фамилия у меня такая, — улыбнулся мужчина. — Я у этих оболтусов бригадиром. Если не получится в Градовце, приезжайте к нам. Парни с такими умениями нам здорово пригодятся.

— Никак не выйдет — у нас распределение, и в ближайшие четыре года мы привязаны к градовецкой больнице. Разве что там иницируют вопрос с переводом.

Тут подоспел второй рабочий с подносом, на котором ютились четыре стакана с чаем. Взгляд сразу зацепился за подстаканники, которые в нашем мире уже давно вышли из употребления.

Не хотелось обижать наших новых знакомых, а тут и поезд на целых десять минут остановился на станции, потому я решил подкрепиться. А через пару часов нам пришло время прощаться. Иван с товарищем уехали дальше, а наше путешествие подошло к концу.

Градовец встретил нас пасмурным небом и прохладным пронизывающим ветром. Мы успели рассмотреть окраины города, подъезжая к станции, и первое впечатление было не самым радужным. Слишком уж всё серое и безрадостное. Казалось, мы всего на полторы сотни километров сместились на север, а попали в совсем другую климатическую зону.

Я накинул лёгкую куртку, а Толик весь сжался, потому как его рубашка и пиджак несколько не защищали от непогоды. Что он вообще тащил с собой, если у него не нашлось ни еды, ни тёплой одежды?

Нам обещали, что встретят, но никого из больницы на перроне мы так и не нашли, а потому отправились искать машину самостоятельно.

— Две тыщи! — заявил бомбила, стоявший у вокзала, отчего у Толика аж челюсть отвисла.

— Две тысячи за поездку по городу? У вас что, Градо-

вещ больше Москвы? — принялся возмущаться он, но это не возымело совершенно никакого эффекта.

— Не нравится — топай до города сам. Посмотрю, как ты будешь чемодан тащить.

По опыту из нашего мира, я принципиально решил не пороть горячку, а проследить за остальными пассажирами. Некоторые, кто явно оказался в городе впервые, как и мы, испуганно вертели головами по сторонам и соглашались на предложения таких же дельцов. Но были и те, кто уверенно шагал куда-то вглубь города. Причём, таких было большинство.

— Кость, давай по тысяче скинемся. На двоих всяко дешевле выйдет, — робко заявил Толик.

— Погоди, не будем спешить. Догоняй!

Я поспешил за пассажирами, чтобы не выпустить их из вида и совершенно не переживал за Мартынова. У его чемодана были колёсики, так что он и сам справится. Когда у меня за спиной послышался характерный грохот, я понял, что это Толик пытается догнать меня, волоча за собой поклажу на маленьких колёсах.

Я не зря решил проследить за потоком людей. Мы прошли всего метров триста, и оказались на остановке, откуда во все стороны ехали автобусы.

— И как мы поймём куда ехать? — явно растерялся Мартынов, изучая карту рейсов.

— Сейчас узнаем! — успокоил я товарища и поискал гла-

зами кого-то, кто мог бы нам помочь.

Свой выбор я остановил на добродушном старичке в костюме и широкополой шляпе, которую ему приходилось придерживать рукой, чтобы ту не сорвало ветром.

— Простите, не подскажете как добраться до Первой городской больницы?

— Значит, смотрите сюда! — нахмурился старичок. — Садитесь на четвёртый маршрут, едете две остановки по улице Мира, потом автобус свернёт на улицу Предтеченскую. По ней вам четыре остановки до Набережной, а там повернёте и вдоль Светлицы ещё три остановки. Вот там вам и выходить. Вы увидите это здание, оно совсем рядом с остановкой.

Мы поблагодарили человека за помощь и вскоре потеряли его из вида, потому как ему нужно было ехать на другом автобусе. На всякий случай я спросил ещё у нескольких человек и получил такой же ответ, пусть и не столь детальный. Решив перестраховаться и попросить о помощи водителя, мы дождались автобус с нужным маршрутом и забрались туда.

— Сорок рублей, — заявил кондуктор, стоило нам подняться на первую ступеньку.

— Вот дела! А мы едва месячный бюджет на проезд не потратили, — удивился Мартынов. — Хорошо, что я вовремя сориентировался и не позволил нам потратиться!

Ага, ты сориентировался! Я решил не раздувать скандал, а просто занял свободное место. По нашей просьбе водитель подсказал где выйти, а вся поездка заняла у нас не больше

двадцати минут.

Жильё, предоставленное нам больницей, располагалось в одном из пятиэтажных домов, в пешей доступности от рабочего места. Нам стоило пройти минут пять пешком через небольшой сад, чтобы оказаться у цели.

Посоветовавшись, мы решили первым делом закинуть вещи, а затем уже идти в больницу. Ключи получили у консьержа и поднялись наверх. Нам выпали две крохотные квартирки на пятом этаже. Причём, располагались они на одной площадке, а двери выходили друг на друга.

Я оказался наверху чуть раньше, потому как Толик застрял на лестнице с чемоданом и отчаянно пытался втащить его на колёсиках. С каждой ступенькой чемодан издавал гулкий стук и грозился рассыпаться на части. Всё ещё обижаясь на него за случай в поезде и ситуацию с транспортом, я не планировал помогать, но на третьем этаже всё-таки сжалился.

— Давай помогу, а то этим грохотом ты всех жильцов переполошишь, — произнёс я, хватаясь за ручку чемодана и помогая товарищу. В конечном счёте, если он ещё тот фрукт, это не значит, что мне стоит опускаться до его уровня.

Толик даже не поблагодарил и исчез за дверью, но я списал это не на невоспитанность, а на банальную усталость. Пока мы затащили наверх его тяжеленный чемодан, парень хватал ртом воздух и с трудом дышал. Да, нам обоим не мешают физические тренировки.

Перед своей дверью я ненадолго остановился. Старая, покрытая царапинами, с облезшей краской и следами лака. Она служила предупреждением тому, что предстояло увидеть внутри. Вставил ключ в замочную скважину и лишь с третьего раза провернул. Стоило двери открыться, в лицо пахнуло сыростью и пылью. Да, придётся здесь хорошенько поработать. Однушка с грязными полами, отсутствием ковров и хоть какой-то эстетики. Стены и потолок были выбелены, но затёрты. На кухне — плита, обеденный стол и стул. В спальне — кровать, платяной шкаф и прикроватная тумбочка. У самого окна письменный стол. И это всё, не было даже штор на окнах, а одно из стёкол треснуло. Определённо придётся поработать, чтобы привести эту дыру в надлежащий вид. Видимо, каждый кто здесь жил, пытался забрать с собой всё своё и даже больше, оттого каждому новому хозяину квартира доставалась всё в худшем состоянии. А всё потому, что не своё. Хотя, кто знает о чём думали прежние владельцы?

У Мартынова ситуация оказалась похожей. Я нашёл его сидящим на стуле посреди спальни и смотрящим на окружающий кошмар.

— Мне вот интересно, у остальных тоже так? Ну, у тех, кого распределили в Ледино или в какую дыру... — пробормотал парень, растеряв всякий азарт.

— Знаешь, мне не особо хочется узнавать, — признался я. — Раскладывай вещи, и пойдём в больницу. Там как раз

скоро обед, есть шанс хоть кого-то застать на месте.

Толик раскрыл чемодан и принялся бережно выкладывать книги на матрас. Мои два учебника и блокнот — ничто в сравнении с его библиотекой. Там, наверно, были книги за все четыре года обучения и оба года практики.

— Толя, зачем тебе столько литературы? — обрушился я на него, понимая, что нам пришлось тащить полный чемодан книг. — Лучше бы чего полезного с собой взял.

— Нет ничего полезнее книг, потому как знания — это самый ценный багаж, — авторитетно заявил он.

— А ты пробовал их читать?

Мартынов засопел и пробормотал что-то нечленораздельное, а я махнул рукой и отправился к себе, чтобы составить список того, что понадобится на первое время. Уже догадываюсь на что потрачу львиную часть своих подъёмных. Ведомственное жильё — это хорошо, но лучше бы нас расселили в общежитии. Там хотя бы постельное бельё не пришлось покупать. Дождавшись Мартынова, я запер квартиру и поспешил вниз.

Погода немного наладилась. Ветер стих, а сквозь серые тучи временами пыталось выглядывать солнце. У подъезда уже собрались бабулечки и оккупировали обе скамейки.

— А вы наши новые целители? Нам уже всё рассказали, — просияла одна из женщин. — Очень рады вашему приезду!

Быстро же новости разлетаются! Хотя, мы такой шум подняли, что наверняка весь квартал слышал как мы заселялись.

Хорошо, что в этом мире не существовало запрета на консультации и приём целителя вне медицинских учреждений, иначе вся зарплата уходила бы только на оплату штрафов. С другой стороны, может, и плохо, потому как эти бабулечки от нас теперь точно не отстанут. Тут либо быть своим в доску и помогать в любое время дня и ночи, либо становиться в позу и учиться отказывать, но наживать недоброжелателей из числа соседей. У обоих вариантов были свои преимущества и недостатки, а полумеры были неуместны.

Впереди замаячили стены больницы, поэтому я отбросил в сторону мысли о квартире и сосредоточился на том месте, где мне предстоит отработать следующие четыре года. Надеюсь, хотя бы там нас ждёт хороший приём.

Глава 4. Младший целитель

Здание больницы произвело приятное впечатление: ослепительно белые стены, высокие потолки. Наполненные солнечным светом просторные коридоры создают ощущение уюта. Палаты я ещё не видел, но искренне надеюсь, что там ничуть не хуже. В таких условиях работать — одно удовольствие.

Основная часть больницы насчитывала два этажа, и только в главном корпусе имелся третий этаж, где располагалось руководство. Они словно свысока наблюдали за происходящим и зорко следили за порядком. Но нам до них не было никакого дела, потому как наше отделение занимало всю правую часть первого этажа. Туда-то мы и направились в первую

очередь.

— Вот это я понимаю организация! Не то, что наши больницы! — с восхищением произнёс Мартынов, любуясь окружающим его великолепием.

— Подбери челюсть, — одёрнул я товарища. — Знаешь как говорится? Встречают по одежке, а судят по заслугам.

— Никогда не слышал такой поговорки, — отозвался Толик и недовольно поморщился.

Долго торчать посреди коридора нам не дали.

— Господа, вы с какой целью здесь? — поинтересовалась у нас пробегающая мимо женщина в голубом халате. Судя по всему, из младшего медицинского персонала.

— Мы из Привольска, — первым сориентировался я. — По распределению.

— Ах, вот оно что! А мы вас разве не должны были встретить на вокзале? Странно, я точно помню, заведующий ещё вчера давал такое распоряжение. Но вы не держите зла, у нас тут такая суматоха, что ребята вполне могли забыть. Свободных рук сильно не хватает, сами понимаете. Проходите, вам сюда!

Женщина провела нас в отделение, а сама умчалась дальше по коридору.

— Митрофановна, принимай новеньких! Младшие целители из Привольска приехали!

— Чай не гости! — всплеснула руками женщина лет сорока пяти, сидевшая на сестринском посту. — Гляди, побежа-

ла тесто на каравай замешивать, а то ведь встречать не с чем.

Женщина бросила на нас недовольный взгляд, будто своим появлением мы отвлекли её от невероятно важного дела, поднялась и направилась в нашу сторону.

— Выходит, это вас из Привольска прислали, — покачала головой она. — Я — Тамара Митрофановна, отвечаю за порядок в этом отделении.

— Что-то не похоже, — оживился Толик, вырвавшись из накатившего на него оцепенения. — Как вы позволяете себе разговаривать со старшим медицинским персоналом? Потрясающая бестактность! О каком порядке вы вообще можете говорить?

— Ты смотри, какой умный выискался! — набычилась женщина, повернувшись к нам и напрочь позабыв о журнале, который до этого с таким усердием заполняла. — Ещё ни дня ни отработал, а меня строить собрался. Это ты где старший персонал-то увидел? Себя что ли?

— Не обращайтесь на него внимание, он у нас перфекционист, — попытался я разрядить обстановку. Не хватало нам в первый же день начать с конфликта. Разумеется, нельзя позволять медицинским сёстрам садиться на голову, но и настраивать против себя их тоже не стоит. Это я уже успел уяснить за время практики в больнице. К счастью, научился на чужих ошибках, когда молодых врачей изживали из отделения из-за банальных склок в коллективе.

— Префек... — попыталась повторить Митрофановна, но

осеклась. — Тьфу! Юмористы... Ну, так не стойте на пороге, проходите в ординаторскую, там вас уже заждались.

Я не стал испытывать судьбу и ждать когда Толик снова ляпнет что-нибудь неуместное, а потому коротко поблагодарил сестру, схватил Мартынова под локоть и потащил в сторону ординаторской.

— Хвала Асклепию, дождались пополнения! — просиял мужчина с длинными седыми бакенбардами, когда мы вошли в кабинет и представились. — Теперь можно спокойно возвращаться в поликлинику, в родной кабинет и вести приём пациентов.

В кабинете находилось всего два человека. Помимо странного вида типа с бакенбардами за столом, окружённый кипой бумаг, сидел мужчина лет пятидесяти пяти. Услышав слова коллеги, он оторвался от писанины и смерил радостного целителя снисходительным взглядом.

— Тебе лишь бы усадить свой зад в мягкое кресло и никуда не ходить, — проворчал он, заставив нас смущённо улыбаться.

— Давай тогда заменишь меня на время отпуска! — оживился целитель с бакенбардами. — Посмотрю, как ты осилишь четыре часа на приёме, выслушивая бесконечные жалобы и претензии, а потом двенадцать вызовов объедешь. А зимой, во время эпидемий, так и все двадцать.

— Ой, да ладно тебе приbedняться, — отмахнулся второй. — Мы можем на одной только операции часов шесть

проторчать, не приседая. А знаешь сколько операций может быть за день? И неважно закончилась у тебя смена или нет — операцию нужно доводить до конца.

— Господа, за вами можно наблюдать вечно, — рассмеялся мужчина лет тридцати пяти на вид, стоявший у нас за спиной. Увлёкшись спором целителей, мы совершенно не заметили его появление.

— Егор Алексеич, рассудите сами! — оживился второй целитель.

— Нет-нет, даже не пытайтесь вовлекать меня в ваш спор, у меня нет на это ни времени, ни желания, — примирительно выставил перед собой руки мужчина. — Давайте лучше познакомимся с нашими новыми сотрудниками, а то они наслушаются ваших споров и сбегут куда подальше.

— Не сбегут, Егор Алексеич! Куда им бежать-то? У них на ближайшие четыре года все пути к отступлению перекрыты. И потом, зачем? Мы ведь умеем быть гостеприимными, — засуетился мужчина, и вытащил из шкафчика небольшой самовар.

— Ну, вы тут чай гоняйте, а я в родные края, — поднялся мужчина с бакенбардами, с которым мы так и не успели познакомиться.

— Чай с сушками придётся отложить, — произнёс мужчина, а его голос вмиг лишился озорных ноток и стал серьёзным, отчего второй целитель немедленно убрал самовар на место. — Давайте сразу к делу. Меня зовут Егор Алексее-

вич Радимов, я заведующий отделением Первой Градовецкой больницы, и на время, пока вы будете работать в этих стенах, я стану вам родным отцом. Но не думайте, что буду вас баловать — работать придётся много. Прошу прощения, что так вышло с машиной. К сожалению, некоторые сотрудники недобросовестно относятся к своим обязанностям, а вместо органов слуха пользуются совершенно непригодными для того частями тела.

Я прыснул от смеха, не ожидая таких слов от заведующего, а Мартынов только нахмурился, потому как шутки явно не понял. В любом случае ситуация разрешилась.

— Не переживайте, никто с ходу не станет бросать вас на амбразуры, поэтому сегодняшний день проведёте в качестве ознакомления. Тем более, что половина смены уже за плечами. Вам здорово повезло, потому как работать вы будете под началом опытного старшего целителя Аркадия Афанасьевича Семёнова.

Второй целитель, который успел припрятать самовар, разогнулся и сдержанно кивнул.

— Вы будете трудиться в третьей бригаде, — продолжил Радимов. — Работа у целителей организована посменно: двенадцатичасовая дневная смена, на следующий день — ночная, затем вы отдыхаете с ночи и выходной. Каждые четыре дня цикл повторяется. Разумеется, иногда приходится привлекать сотрудников к работе сверх меры, Аркадий Афанасьевич тому пример, но мы стараемся не злоупотреблять.

Сегодня я даю вам время освоиться, разобраться с документами и познакомиться с коллегами, а уже завтра к семи часам утра жду в отделении. Я буду требовать, чтобы в половину восьмого вы были переодеты и готовы принять смену у коллег из второй бригады. В восемь заступаете на первое полноценное дежурство.

Настала наша очередь представиться и немного рассказать о себе. Толик делился своими успехами в учёбе и явно пытался произвести впечатление, а я ограничивался сухими фактами. Какой смысл пускать пыль в глаза, если впечатление составят по результатам работы? А мне особо и не стоит выделяться, потому как я до сих пор толком не разобрался в своих возможностях. Знания — это одно, а вот навыки и опыт, которых мне явно недостаёт — это совсем другая история.

— Да, условия комфортными не назовёшь, — произнёс Мартынов, осматривая ординаторскую.

— Раньше было немного проще, — признался Радимов. — У нас были спонсоры, которых просили о помощи. Кроме того, мы делали индивидуальные палаты, в которых лежали пациенты с повышенными требованиями к комфорту. Разумеется, эти люди были нам благодарны, но эти средства мы не прятали себе в карман, а пускали на поддержание палат и своей комнаты.

— А сейчас так нельзя? — удивился Мартынов.

— Сейчас в коллективе есть люди, с которыми тяжело

работать, — скривился заведующий. — Казалось бы, всем хорошо, все довольны, но кто-то из своих настроил жалобу в медицинскую коллегия. Скандал был такой, что дошло до Москвы. Разумеется, все благодетели оказывали помощь официально, приобретали технику и мебель якобы по своему желанию, но само наличие таких палат вызвало серьёзные вопросы. Теперь за это никто не возьмётся.

— А с чего решили, что кто-то свой? — удивился Толик.

— В жалобе была изложена такая информация, которую мог знать только сотрудник больницы.

— Выходит, палата пустует?

— Нет, бережём для особых пациентов. Не приведи случай, градоначальнику плохо станет, или кому из спонсоров клиники. Пусть нашему отделению ничего не дают, но приказ сверху мы обсуждать не можем. Да и бывает, что палаты переполнены, тогда мы можем перевести тяжёлого пациента в одиночную палату с комфортными условиями.

Я не стал давать моральную оценку наличию такой палаты, потому как ещё не разобрался в работе больницы. Может, в этом и нет ничего плохого? Меня беспокоил другой момент. Сам факт наличия «крысы» среди сотрудников говорил о том, что нужно быть осторожнее в словах и следить за своими действиями. Любая ошибка может стать достоянием общественности и дойти до начальства. А это значит, что просто не будет.

Пообщавшись с начальством и получив ключи от шкафа-

чиков, мы отправились в бухгалтерию, где предъявили документы и получили полагающиеся подъёмные. Время приближалось к вечеру, и пора было бы задуматься где перекусить и как организовать ночлег. В тех условиях, в которых мы оказались, спать было просто невозможно.

— Поедем в центр! — неожиданно осмелел Толик. То ли внушительная сумма в кармане придавала ему уверенности, то ли он вошёл во вкус, но сейчас Мартынов выглядел совсем не таким беспомощным тюфяком, каким мне показался поначалу.

Учитывая, что на набережной не оказалось ни одного подходящего магазина, помимо продуктового, я легко согласился. Мы вернулись к дороге, узнали у местных где находится ближайшая остановка и отправились за покупками.

На самом деле, даже я терялся в мыслях что нужно брать в первую очередь. Разумеется, постельное бельё, новую подушку и одеяло. Кроме того, пригодятся зубная щётка и паста, коврик для ног, а лучше сразу два, скатерть для стола, куча моющего, чистящего и вместительные пакеты для мусора. С огромными пакетами мы едва втиснулись в автобус, а поднять их на этаж оказалось ещё тем испытанием. За продуктами пришлось идти во вторую ходку. Благо, продуктовый магазин был совсем рядом. Но и тут встала дилемма. Что готовить? Какой-нибудь суп не сваришь, потому как даже кастрюли нет. Прежние владельцы квартиры считали своим долгом вынести оттуда всё, что плохо лежало, и из по-

суды мне остался только зазубренный кухонный нож, который я немедленно отправил в мусор, треснувшая разделочная доска и вилка, уцелевшая только по той причине, что валялась за плитой. Разумеется, вся эта утварь меня не устраивала, поэтому в ближайшее время я планировал обжиться всем необходимым.

Делать бутерброды я не захотел. Я целитель, или как? Прекрасно ведь знаю какие последствия ждут, если ужасно питаться. Ужинали с Мартыновым мы в ближайшем кафе, оставив по полторы тысячи, а завтрак решили заказать на дом.

Уже утром я понял, что не учёл сразу два момента. Во-первых, следовало позаботиться о шторах на окна. Лучи утреннего солнца светили мне в глаза и мешали спать. А во-вторых, я не завёл будильник. Потянувшись к своему старенькому телефону, я заметил, что уже была половина седьмого, а значит, у меня совсем немного времени, чтобы собраться.

Сон мгновенно как рукой сняло. Я заказал завтрак, помчался в ванную, но вспомнил, что у меня нет полотенца, поэтому вернулся в комнату и принялся искать его в рюкзаке. Пока принимал душ, позвонили из доставки. Пришлось быстро одеваться и спускаться за заказом с мокрой головой.

Возвращаясь в свою комнату, я заметил подозрительную тишину у соседа. Неужели Толик уже собрался и отчалил в больницу без меня? Этот может! Но что, если он смотрит

очередной сон? Зависть в сочетании с беспокойством за товарища запротестовали во мне и вынудили отложить завтрак на пару минут и отправиться к Мартынову. На удивление, дверь в его квартиру была не заперта на замок, а сам он лежал в кровати и в ус не дул. Вот она, роскошь жильцов, у которых спальня выходит на тeneвую сторону!

— Толя, подъём! — заорал я на ухо Мартынову, который ещё даже глаза не открыл. Тот завопил от страха и попытался закутаться в одеяло. Лишь через пару секунд он понял где находится и высунулся наружу.

— Что? Ты как сюда попал? — сонным голосом пробормотал Толик и уставился на меня.

— У тебя было не заперто, ну, я и решил заглянуть. Мало ли, вдруг тебя тут убили, или что ещё хуже — ты на дежурство проспал.

— Странные у тебя приоритеты, — возмутился он, откинул одеяло, нащупал ногами тапочки и поплёлся в ванную. — Сколько сейчас вообще времени?

— В Амурске люди уже с работы домой собираются, а нам самое время на смену, иначе Семёнов нас с потрохами съест.

Опаздывать на первое же дежурство в больнице нам совершенно не хотелось, поэтому мы быстренько расправились с завтраком, оделись и помчались на работу. Пришлось делиться с Мартыновым своей порцией, ведь он даже не заказал еду, а ждать курьера некогда. В отделении мы появились без трёх минут семь и едва не столкнулись нос к носу с Се-

мёновым.

— Ну, бойцы! Готовы к первому дню? — поинтересовался Аркадий Афанасьевич, осмотрев нас придиричивым взглядом.

— Готовы! — уверенно ответил Толик, поправляя торчащие волосы.

— Раз так, через полчаса быть готовыми в ординаторской. Будем принимать смену у второй бригады.

Этого времени нам с лихвой оказалось достаточно, чтобы добраться до своих шкафчиков, надеть форму и привести себя в порядок. Через полчаса мы уже забыли о не самом лучшем начале дня и с нетерпением ждали начала первой смены.

— Молодцы, выглядите как настоящие целители! — похвалил нас Семёнов, войдя в кабинет.

Он устроился на кресле и принялся разбирать скопившиеся на столе бумаги, а мы так и стояли, переминаясь с ноги на ногу.

— Что застыли? — удивился старший целитель. — Помогайте! Нужно рассортировать истории болезни пациентов перед обходом.

Мы бросились на помощь, но в этот момент в дверь постучали, а затем на пороге появились две девушки. Первая — брюнетка со стрижкой под каре и выразительным взглядом, вторая — девушка с длинными светлыми волосами до пояса, которые сейчас были собраны в косу. Заметив нас, они

немного засмущались.

— Аркадий Афанасьевич, вызывали? — поинтересовалась брюнетка.

— Да, Милана. Оставляйте свои дела, прибыло пополнение с Привольска, и мы все вместе идём на обход.

Девушки пробежали по нам изучающими взглядами, а затем переглянулись между собой.

— Костя, — взял я инициативу в свои руки и подошёл к кареглазой брюнетке. Той удалось взять себя в руки и скрыть смущение, а вот её подруга покраснелась и потупила взгляд.

— Милана — стажёр второгодник, а Лиза только пришла после академии, — рассказал Радимов. — В любом случае, надеюсь, что вы найдёте общий язык, ведь сами недавно были стажёрами. А сейчас я передаю вас в распоряжение старшего целителя, под чьим началом вам предстоит работать. Хорошего дня, команда!

Егор Алексеевич удалился, а Семёнов повёл нас к первой палате.

— Первейшая задача каждого целителя — быстро и качественно провести диагностику, а также как можно скорее приступить к исцелению, — принялся он поучать нас, как неопытных щенков. — Какие умения важны для целителя?

— Сила дара! — авторитетно заявил Мартынов.

— Ещё! — не успокаивался Семёнов.

— Знания, — скромно заметила Милана.

— Какие знания? — потребовал конкретики старший це-

литель.

— Знания строения тела, работы жизненно важных органов, методик исцеления различных болезней и травм.

— Это тоже важно, — согласился Аркадий Афанасьевич.
— Но что ещё?

На мгновение повисла тишина. Я уже открыл рот, чтобы назвать ещё одно важнейшее умение, но старший целитель меня опередил:

— Концентрация! — рывкнул он так, что у всех присутствующих рядом заложило уши. — Если целитель отвлекается при работе с пациентом, он теряет драгоценное время. Иногда, в особо важных случаях, это может стоить жизни. Забудьте обо всём, что существует за пределами больницы. Голод, усталость, отношения, проблемы дома — ничто не должно отвлекать вас от работы. Пока вы работаете с пациентом — у вас только одна задача. Многие целители, которые приходят после академии, не могут перестроиться на рабочую волну и уходят из больницы, потому как не справляются с возложенными на них требованиями.

— Мы ведь не частная клиника, чтобы так зверствовать, — смутилась Лиза.

— Верно, мы не частная клиника, — согласился Семёнов.
— Но мы ничем не хуже. Почему-то в народе принято считать, что государственные больницы хуже частных клиник, что здесь работают слабые целители, и лечиться здесь и врагу не пожелаешь. Наша задача — доказать, что это всего лишь

предрассудки. Первая Градовецкая больница — лучшая не только в городе, но и в губернии, поэтому я буду требовать от вас полной самоотдачи. Если вы не готовы поддерживать высокий уровень оказания услуг и демонстрировать профессионализм, вам лучше сразу поискать себе другое место работы.

— Интересно, это как? — удивился я, памятуя о распределении.

— Вас что-то смущает, Дорофеев? — насупился старший целитель. — Ах, да! Вы считаете, что раз пришли сюда по распределению, то в ближайшие четыре года от вас никто не осмелится избавиться? Поверьте мне, это не так. При желании больница может расторгнуть контракт и попросить другого специалиста, так что ни у кого из вас здесь нет гарантий. Вы должны заслужить право работать в образцовой больнице своим трудом и профессионализмом.

— Угораздило же нас, — пробормотал Лиза, а Мартынов светился от счастья, будто ему только что вручили Большого Асклепия за оценку его многолетнего труда.

— Слышал? Мы работаем с лучшими! — прошептал он, склонившись над моим ухом.

Да, мне это тоже понравилось, но у нас были кардинально разные причины для радости. Если я был рад получать знания и перенимать опыт у профессионалов, то Мартынов сиял от того, что работает в заведении с таким статусом. Наверняка дома будет щеголять тем, что работает в лучшей боль-

нице губернии, хоть сам ничего для этого и не сделал.

Возле входа в палату Аркадий Афанасьевич остановился, чтобы выдать ещё одну порцию объяснений.

— В первой и второй палатах лежат пациенты после операций, — принялся объяснять Семёнов. — За ними нужен особый уход и присмотр, поэтому их располагают поближе к ординаторской и сестринскому посту. В первой палате лежат мужчины, во второй — женщины. Для удобства запомните, что нечётные палаты — мужские, чётные — женские.

В палате оказалось просторно, чисто и светло. Здесь находились четыре койки, но заняты были только две. На первой — мужчина после автомобильной аварии с многочисленными переломами и разрывами внутренних органов. На второй койке — глубокий старик, упавший с лестницы. Ему уже провели операцию по сращиванию сломанных костей, а сейчас он находился под наблюдением.

От нас требовалось провести диагностику, убедиться в отсутствии послеоперационных осложнений и обновить регенерацию ран. Всю работу делали мы с Толиком, как младшие целители. Девчонки наблюдали со стороны и учились, а Семёнов комментировал нашу работу и раздавал советы. Хотя, по большей части откровенно ворчал.

— Куда ты столько энергии направляешь? — возмущался старший целитель. — Ты ему сейчас энергетический канал выжжешь, как потом работать? Думаешь, легко эти каналы заново выстраивать? Чему вас только в академиях учат?

Стоп! Ты видишь, куда ты направил энергию? Этот канал ведёт в здоровую ногу. Зачем ему там исцеление?

Честно говоря, если бы он просто стоял молча, получалось бы куда лучше. А так, когда над ухом постоянно кто-то бубнит и раздаёт указания, ошибки случались сами по себе. С другой стороны, я сам виноват. Нужно развивать концентрацию, и уметь сосредотачиваться на выполнении задачи. А в идеале, параллельно слушать что бормочет этот старик. Казалось, будто старший целитель намеренно пытается вывести меня из себя. Я постарался сосредоточиться и абстрагироваться от его колких замечаний, и работа пошла куда лучше. Правда, количество замечаний не сократилось, но теперь я хотя бы твёрдо знал, что они не по существу.

Толик поначалу расплывался в улыбке, но ровно до того момента, пока Семёнов не обратил внимание на его работу.

— Мартынов, а ты что делаешь? Скажи в какой больнице ты проходил стажировку, я отправлю им свои соболезнования!

Улыбка вмиг исчезла с лица парня, и остаток процедуры он провёл, крепко стиснув зубы.

— В принципе, неплохо, — заключил Семёнов, когда мы закончили. — Может, лет через пять из вас определённо получится что-то стоящее.

Пока мы шли ко второй палате, Мартынов немного поотстал. Я остановился рядом с ним и понял причину его промедления. Толик хотел поделиться своими впечатлениями.

— Что он устроил? — вспыхнул парень, убедившись, что старший целитель находится достаточно далеко и не услышит его возмущение. — Мы всё делали правильно. Зачем он лезет и откровенно сбивает с толку?

— Успокойся, возможно, это просто проверка.

— Какая ещё проверка? — вспыхнул Толик. — В гимназии проверки, в академии проверки, на стажировке, теперь и тут? Когда я уже смогу нормально работать?

— Никогда, — спокойно ответил я, вспоминая фразу из моей прошлой жизни, оброненную профессором. — Врач учится всю жизнь. Когда тебе покажется, что ты научился всему, жизнь непременно подкинет тебе случай, чтобы доказать как ты ошибаешься.

Мартынов закатил глаза и поспешил следом за Семёновым, который уже ждал возле очередной палаты.

— Я хочу напомнить ещё одну важную вещь, — заявил старший целитель. — Сейчас мы войдём в палату, где лечатся женщины, но для целителей пол не должен иметь значения. Если вы смущаетесь работать с женщинами, или наоборот, вам нет места в целительстве!

Здесь пациенток оказалось трое, а проблемы были ещё разнообразнее. На одну женщину напала собака. Как итог — сильные повреждения мышечных тканей на руках и ноге, разорванные сухожилия. Женщина закрывалась от острых клыков зверя руками, и возможно, это спасло ей жизнь. Вторая пациентка обварилась кипятком.

— Тридцать процентов поражения кожи, — констатировал Семёнов, когда мы перешли к ней. — Пришлось проводить частичную пересадку кожи, чтобы спасти пациентку.

Третья пациентка лежала после операции на желудке. Всё это нам приходилось диагностировать самостоятельно, а старший целитель только подтверждал наши наблюдения, и делал поправки при необходимости. Теперь в упражнении «угадай диагноз» участвовали и девушки. Причём, мне показалось, что Милана была более уверена в себе, а Лиза боялась назвать даже очевидные признаки. То ли год разницы так сказывался, то ли дело в темпераменте.

— Каминская, больше уверенности! Вы же целитель! Как вы будете принимать решения в критических ситуациях? То же будете смотреть на меня и глазками хлопать? Мартынов, а вы что делаете? Как нужно работать с энергией при лечении ожогов? Вас самого нужно ошпарить, чтобы вы на себе потренировались, прежде чем доверять лечение пациентов!

Семёнов едва не довёл девушку до слёз, но я понимал причину его недовольства. А вот поведение Толика меня удивило. В очередной раз, когда старший целитель сделал ему замечание, Мартынов вспыхнул.

— Да что я делаю не так? — завопил он. — Всё по методикам! Если не нравится, проводите процедуру сами!

Толик выскочил из палаты, а Семёнов провёл его взглядом и повернулся ко мне.

— Дорофеев, надеюсь, вы не такой же мягкотелый, как

ваш напарник? Ваши действия при лечении пациента с ожогами более тридцати процентов поверхности кожи. Быстро!

— Обезболивание, чтобы избежать болевого шока и облегчить самочувствие пациента. Инфузионная терапия для восполнения баланса жидкости в организме, осмотр повреждённых тканей и дальнейшая работа. Если требуется, удаление омертвевших тканей и пересадка собственной кожи пациента. Далее — обработка повреждённой поверхности с целью избежания заражения...

— Достаточно! — рявкнул старший целитель. — Вам нужно провести только послеоперационную обработку ран. Выполняйте, а мы со стажёрами посмотрим чему вас учили.

Несмотря на гадкую ухмылку Семёнова, я взял себя в руки и провёл процедуру безупречно, заслужив первую похвалу из уст наставника. Мне даже на миг показалось, что он неплохой человек, просто ведёт себя так.

Выйдя из палаты, я заметил Мартынова, стоящего у окна. Толик опёрся на подоконник и скрестил руки на груди.

— Ты чего устроил? — осадил я товарища. — Хочешь, чтобы тебя обратно в Привольск отправили? Ты ведь сам только утром восхищался больницей.

— Больница и сейчас вызывает у меня восхищение, но не отдельные её сотрудники, — ответил парень, бросив полный презрения взгляд в сторону Семёнова. — Я подходил к заведующему и поднимал вопрос о поведении старших целителей, и что ты думаешь? Радимов полностью на стороне этого

нахала! Он приказал мне возвращаться к работе, если я не хочу, чтобы меня выдворили из клиники. Это возмутительно!

Да, худшее, что может сделать начинающий целитель — показать старшим свою слабость. Хотя, нет. Самое худшее — начать жаловаться из-за ерунды. В первый же день Толик создал себе целую кучу проблем на ровном месте.

— Господа целители, обход ещё не закончился, — заявил Семёнов. — Прохлаждаться будете после работы!

Я утащил за собой Мартынова, приказав ему держать рот на замке, но он и сам уже понял, что его возмущения никого не интересуют. Нужно своим трудом и профессионализмом закрыть рты всем, кто сомневается в наших возможностях, и это единственный способ.

Уже после обхода, когда мы собирались расходиться по делам, я остановил Толика.

— Слушай, а ведь стажёры проходят практику на базе учреждений своих городов, — задумался я. — Знаешь, что это значит?

— Что мы никак не могли попасть сюда раньше? — выдал свою версию Толик, окинув взглядом помещение больницы, которым он не переставал любоваться.

— Это и так понятно. Я о том, что Милана и Лиза наверняка местные. Можно попросить их устроить нам экскурсию, а с нас мороженое. Ну, или кофе со сладостями.

— Дорого, — недовольно поморщился Толик. — Хотя

услуги настоящего экскурсовода ещё дороже.

— Слушай, тебе экскурсия нужна, или возможность погулять с симпатичными девчонками? — накинулся я на Мартынова. — И потом, мы совершенно не знаем город. Нам явно не помешает узнать где лучше покупать еду, одежду и товары для быта. Забыл, в какой дыре мы живём?

Я понял, что искать поддержки у Толика нет смысла, поэтому придётся полагаться только на свои силы.

— Милана, Лиза! — я догнал девчонок, пока они не скрылись в лаборатории. — У нас с Толиком есть заманчивое предложение. Как насчёт прогулки после работы? Отметим наш первый день в роли младших целителей и погуляем по городу. Мы приглашаем!

Девчонки переглянулись между собой, а в их глазах я увидел загоревшийся интерес.

— Идёт! — ответили они практически одновременно и рассмеялись.

Глава 5. Пустить корни

После работы мы задержались у входа и подождали девчонок. Как и приличествует барышням, они задержались на несколько минут. Понимая, что нужно сразу решить кто за кем ухаживает, я протянул руку Милане и помог ей сойти со ступенек, а вот Мартынов прошляпил момент и заработал недовольный взгляд от Лизы.

— Куда пойдём? — поинтересовался Толик, когда повисла секундная пауза.

— Так вы же нас позвали гулять, мальчишки, вот вы и предлагайте, — справедливо заметила Милана.

— Мы бы с радостью, но город совсем не знаем, — парировал я. — Может, устройте нам экскурсию?

— Можно сходить в драматический театр, — предложила Лиза. — Там как раз показывают новую постановку.

— Нет, драма не годится, — запротестовал Мартынов. — Ненавижу сопли. Мне более по душе комедия.

— Тогда не знаю, — насупилась девушка.

— А кроме театра есть интересные места? — попытался я исправить ситуацию.

— Музей кружева, — заявила Лиза, а Мартынов прыснул от смеха, чем окончательно настроил девушку против себя.

— Нет, в это время музей, скорее всего, будет закрыт, — резонно заметил я. — Может, перекусим где-нибудь? Вы знаете подходящее место? Мы с Толей угощаем.

— Есть классное место на набережной, совсем недалеко отсюда, — заметила Милана. — Там большие окна и можно полюбоваться окружающей красотой. Если повезёт, мимо будет проплывать корабль. Это всегда так красиво!

— Звучит отлично! Я сегодня так проголодался, что готов быка проглотить! — просиял Мартынов. Наконец-то мне удалось нащупать интересующую его тему. Да и я, честно говоря, был голодный как волк. Кафе имело странно название «Сруб», но выглядело потрясающе. Внешний вид сразу объяснял столь необычное название — бревенчатые стены, де-

ревянная крыша, даже мебель внутри сделана из распиленных и обработанных частей дерева. А какой здесь стоял божественный запах!

— Обожаю это место, — улыбнулась Милана и устроилась за столиком возле окна.

— И часто ты здесь бываешь? — насупился Толик.

— Знаешь, не особо, — ответила девушка без тени смущения. Кажется, провокационный вопрос Мартынова её совершенно не задел. — С нашей работой выбраться куда-то бывает вообще непросто.

Нам принесли меню, и я здорово растерялся. Все эти карпаччо, брускетты и канапе мне особо ничего не говорили. Я решил отдать инициативу девчонкам и заказал себе то же самое. Мы взяли по салату из морепродуктов и какие-то закуски с чаем. А вот Толик высмотрел куриные рулеты и заказал дорожный салат с красной рыбой.

— Рассказывайте, откуда вы приехали, в какой академии учились? — заинтересовались девушки.

— Мы одноклассники, учились в Привольской академии, — ответил я за Толика, который навалился на куриный рулет и забыл обо всём на свете. — Малых медалей Асклепия не получали, но учились хорошо, получили распределение сюда, а что было дальше, вы уже знаете.

Девчонки рассказали свои истории, мы поделились впечатлениями о том, как учат в разных академиях, а потом принесли и наши заказы.

— Да, это совсем другая еда и условия. Не то, что в наших берлогах, — порадовался я, когда принесли заказ.

— Вам ведь жильё выдают! — вспомнила Лиза. — И как, уже обжились в ведомственных квартирах?

— Не особо, — честно признался я. — Не знаю кому как везёт, но нам достались полные развалины. Такое впечатление, что там со времён прошлой цивилизации никто не жил. Фараоны и то в более комфортных условиях находятся.

Милана рассмеялась, а Лиза понимающе закивала головой.

— Да, у меня старшая сестра тоже целитель, так она рассказывала о том, что ей достались условия не лучше. Пришлось с нуля обживаться на новом месте.

— Вот мы вчера с Толей и тащили полные сумки с центра.

— Кто же в центре делает покупки? — удивилась Милана.

— Здесь в промышленном районе есть отличные магазины, и идти всего минут десять-пятнадцать.

— Где же вы раньше были! — воскликнул я, отложив в сторону вилку.

— Так, вот что! Завтра с утра отправляемся по магазинам. Готовьте список всего, что вам нужно, а мы с Лизкой найдём, где это купить. Будем наводить порядок в ваших жилищах.

— Спасибо, но как-то неудобно, — застеснялся я, понимая, что показывать такое жильё кому-то попросту стыдно. Тем более, девушкам.

— Вы нас пригласили в кафе и спасли от голода после

смены, а мы будем спасать вас, — стояла на своём Милана. — Целитель должен приходить с работы в место, где можно отдохнуть и набраться сил, а не ютиться в норе как сурок.

— Золотые слова! — ответил я, поднимая чашку ароматного чая и салютуя девушке.

Мы просидели в кафе часа полтора, но время пролетело, словно одно мгновение. Совершенно не хотелось никуда уходить, но усталость давала о себе знать. Официантка принесла счёт, но Толик сделал вид, что ему нужно отойти в уборную, поэтому оплату я взял на себя. Отсчитав нужную сумму и чаевые, я вернул счёт девушке и предложил подождать Мартынова на улице.

Прохладный осенний ветер с реки заставлял немного поёжиться и отгонял сон. Хотелось гулять по освещённой фонарями набережной, болтать с девчонками и не думать о завтрашнем дне, но реальность вынуждала вернуться к обязанностям.

Оказалось, что Милане нужно было ехать на другую сторону реки, а Лиза жила в трёх остановках отсюда. Мы провели девчонок на автобус, а сами поплелись домой. Вспоминая о той дыре, где мне предстояло провести ещё одну ночь, настроение упало.

— Хорошо посидели, — прокряхтел Толик. — Жаль, что мало.

— Да ладно, и так на семь с половиной тысяч вышло.

— Шесть восемьсот! Я считал! — оживился Толик.

— А чаевые? Нас хорошо обслужили, так что не вижу повода скупиться. Но даже без чаевых выходит по три тысячи четыреста с носа.

— Твоя идея с прогулкой — ты и плати, — ушёл в отказ Мартынов, чем здорово меня удивил.

— Погоди, ты же сам согласился.

— А почему бы и не согласиться, если ты зовёшь? И потом, у меня сейчас нет таких денег.

— Ты же только вчера получил подъёмные.

— Вот именно, что подъёмные! Это для того, чтобы на ноги встать в чужом городе, а не по кафешкам шататься. В общем, с первой зарплаты отдам.

Решив не портить себе настроение, я выбросил из головы эту ситуацию. Да, неприятно, но подъёмных у меня пока хватает на жизнь, а там и зарплата не за горами. В любом случае не пропаду. Родители научили меня экономно обращаться с деньгами, так что возьмусь за ум и не стану позволять себе лишнего. Я слышал истории о том, как некоторые целители спускали за пару месяцев все подъёмные, а затем жаловались всему миру, что им не на что жить. Нет, эти деньги должны мне помочь пережить грядущую зиму и протянуть в хороших условиях до весны. Вот приведу в порядок квартиру, куплю зимнюю одежду, а там уже и тратиться некуда. Всё равно почти всё время буду проводить на работе.

Вернувшись домой, я едва добрался до ванной, принял душ и рухнул в кровать. Сил больше ни на что не оставалось.

Зато утром пришлось экстренно вставать и наводить порядок, потому как могли пожаловать гости.

Только я успел немного прибраться, зазвонил телефон. Не припоминаю когда это я оставлял свой номер Милане.

— Доброе утро, Костя! — послышался в динамике бодрый голос девушки. — Готов прогуляться по району?

— Хоть сейчас, — отозвался я, запрыгивая в ботинки.

Правда, всё равно пришлось подождать Мартынова, который особо никуда не спешил. Такое впечатление, что ему это было совершенно не нужно. Однако уже после первого магазина, куда мы зашли, его мнение кардинально изменилось.

— И почему мы сюда не пошли сразу? — удивлялся он, глядя на ценники, которые были процентов на пятнадцать ниже тех, что мы видели в центре. — А я ведь ещё думал пройтись по району, да времени никак не хватало.

Я не удержался и всё-таки напомнил Толику, что до предложения девчонок он вообще никуда не собирался, но тот лишь насупился и сделал вид, что пропустил мои слова мимо ушей.

А Милана меня здорово удивила, когда мы отправились за продуктами.

— Идём, я знаю где можно купить свежие овощи, — произнесла девушка и направилась к бабулечкам, торговавшим у дороги, неподалёку от автобусной остановки. Некоторые расставляли консервацию и урожай на деревянных раскладных столиках, но были и те, кто просто разослал газетку на

голой земле и выложил товар прямо на бумагу.

— Делать покупки на стихийных рыночках? Вы серьёзно? — опешил Толик. — Вы же целители! Нет, я понимаю, что вы ещё стажёры, но разве не очевидно, что это место — рассадник заразы?

— Спокойно! — отозвалась Милана, проигнорировав tiradu Мартынова. — Если знать у кого покупать, можно найти овощи по качеству лучше, чем в фермерской лавке.

Когда я был ещё мальчишкой, отец брал меня с собой на рынок. Выбирая товар, он учил меня смотреть на продавцов, оценивать их внешний вид, насколько они ответственно подходят к соблюдению норм чистоты и как себя ведут с покупателями. Кто бы мог подумать, что эти знания пригодятся мне в другом мире?

Милана направилась к одной из женщин, которая показалась мне достаточно опрятной и аккуратной.

— Зоя Ивановна, можно кило огурчиков, немного зелёного лука, листьев салата и редис? — попросила девушка, сверившись с моим списком.

— Конечно, Миланочка, сейчас сделаем, — просияла женщина и принялась накладывать заказ в новенькие бумажные пакеты. — Огурчики уже тепличные. На грядках отошли ведь, поэтому и цена выше.

Женщина принялась оправдываться, но цена меня абсолютно устраивала, поэтому я даже не думал спорить с Миланой и искать товар у другого продавца. Если Пашкова при-

вела нас сюда, она точно знает что делать.

— Откуда ты её знаешь? — прошипел над ухом у девушки Мартынов.

— Это соседка моей бабушки. А у меня есть правило — покупать только у тех людей, которых я знаю и сама могу видеть как они выращивают урожай. Зоя Ивановна одна из таких хозяйюшек.

Да, это правило я не учитывал, но оно имеет право на жизнь.

— Четыреста восемьдесят рублей, — заявила торгашка, подбив итоговую сумму на счётах.

— Зоя Ивановна, а можно применить промокод? — ухмыльнулась девушка, решив окончательно нас шокировать.

— Ну-ка? — насторожились женщина.

— У Мироновны внук родился, Алёшкой назвали. Похож на отца, как две капли.

— Промокод устаревший, я ещё на той неделе от Нюрки-цветочницы слышала.

— А что Вересовы продали дом и переезжают в Москву, слышали?

— Да ну? — удивилась женщина.

— Так вот, сама только вчера узнала. Продают мебель по дешёвке, что-то вообще даром отдают, чтобы с собой в столицу не тащить.

— Ну-ка, держи, внучка, редис, огурчики, зелень и в придачу варенье малиновое от бабы Зои, а мне позвонить на-

до. Может, что из мебели себе успею урвать. У меня как раз шкаф сыпется и комод совсем старый, на него даже смотреть страшно.

— А скидка? — хитро сощурилась девушка.

— Триста рублей, и можешь всё забирать, — отмахнулась женщина.

Надо же! Это тот самый случай, когда информация тоже была ценным товаром. По сути, женщина торговала, чтобы не сидеть дома и принести домой хоть какую-то копейку, а заодно поддерживала связь с окружающим миром. Пожилым людям здорово не хватает живого общения, так что Зоя Ивановна торговала ещё и для того, чтобы найти собеседника. Но я в первый раз видел, чтобы за свежие сплетни давали реальную скидку.

— Пусть небольшая выгода, но всё равно приятно, — улынулась Милана. — Заодно и варенье к чаю раздобыла.

За три часа мы накупили по два огромных пакета вещей, а я оставил в магазине семнадцать тысяч. Да, теперь придётся быть осмотрительнее с расходами, но зато у меня есть всё необходимое для комфортной жизни. В благодарность за помощь я предложил девчонкам по мороженому, но они отказались.

— Честно говоря, я вся продрогла, поэтому мороженое явно некстати. А вот от горячего чая я бы не отказалась, — призналась Милана.

— Идём в «Сруб»? — мгновенно отозвался я.

— С пакетами? Нет уж. Давайте вы свои пакеты занесёте домой, заодно и посмотрим что можно сделать с вашими берлогами. Надеюсь, чаем угостите?

— Без проблем! — пообещал я и с облегчением выдохнул. Не зря сегодня утром потратил кучу времени и сил, чтобы навести порядок в квартире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.